

АЛЕКС НОЧЬ

Бесна

В МАЕ 42-ГО

Алекс Ночь

Весна в мае 42-го

<https://litres.ru/74504799>

Аннотация

Очнуться в чистом поле – страшно. Очнуться в чистом поле, где свистят пули и падают солдаты с криком «За Родину!» - немислимо. Катерина не помнит, как оказалась здесь. На ней легкое летнее платье и босоножки на каблуке, а вокруг – ад Великой Отечественной войны. Ее спасает ценой собственной жизни молодой красавец-лейтенант. Строгий, холодный, но готовый прикрыть собой даже ту, что свалилась ему на голову буквально с неба. Придя в себя, Катерина понимает: ее мир остался где-то далеко. Чтобы выжить, ей придется стать своей в этом жестоком времени. Вчера она не знала, с какой стороны подойти к винтовке, а сегодня она медсестра, вытаскивающая раненых с поля боя. Но главное сражение ждет ее впереди – за любовь человека, который привык терять и не верит в любовь.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	12
Глава 2	20
Глава 3	25
Глава 4	33
Глава 5	45
Глава 6	56
Глава 7	64
Глава 8	71
Глава 9	80
Глава 10	94
Глава 11	99
Глава 12	104
Глава 13	112
Глава 14	121
Глава 15	130
Глава 16	138
Конец ознакомительного фрагмента.	139

Пролог

Земля была везде. Во рту, в глазах, в волосах, въелась под ногти. И она дрожала. Нет, не просто дрожала – вибрировала мелкой, злой дрожью, которая отдавала в челюсть и в самое сердце.

Я лежала, вжавшись лицом в жесткую траву, пахнущую полынью и гарью. Грохот был таким плотным, что, казалось, его можно было потрогать руками. Он не просто бил по ушам – он проникал внутрь черепа, выстукивая там бешеную дробь.

Сквозь сжатые веки пробивался оранжево-черный свет, он рвал тьму на куски.

- А-а-а! – заорала я, но мой крик утонул в общем гуле, растворился, как ложка сахара в кипятке.

- За Роди-и-ину! – этот вопль пронесся где-то совсем рядом, почти над моей головой, и по земле застучали тяжелые сапоги.

Я зажмурилась еще сильнее, до цветных кругов, и вце-

пила пальцами в траву, словно она могла меня спасти, укрыть, утащить вглубь, подальше от этого ада. Сознание цеплялось за пустоту. Кто я? Где я? Как я здесь оказалась? В голове не было ни одной мысли, только этот звон и грохот. Пустота, вакуум, белый лист.

В ушах заложило от следующего взрыва, он швырнул меня, и я перевернулась на спину, открыв глаза.

Небо надо мной было серым от дыма, и по этому небу, перепрыгивая через кочки и воронки, бежали люди. Много людей. В каких-то странных мешковатых одеждах цвета хаки, с винтовками наперевес. Они бежали туда, откуда летели огонь и смерть. Один споткнулся, взмахнул руками и упал, так и не добежав.

- За Ста-а-а-лина! Ура-а-а! – новый крик прокатился над полем, хриплый, какой-то нечеловеческий.

Сталина? Мысли ворочались тяжело, как камни в воде. Что за Сталин? Что за Родина? Почему они так кричат?

Я приподнялась на локтях и посмотрела вниз, на себя. И тут страх, который был просто животным ужасом, сменился чем-то другим – ледяным, парализующим. На мне было легкое, тонкое платье. Оно было когда-то, наверное, симпатич-

ным – в мелкий, синий цветочек, с кружевным воротничком. Но сейчас оно было разорвано у плеча, перепачкано землей и какой-то зеленью. Ниже колена подол болтался мокрой тряпкой.

А на ногах... босоножки. Дурацкие босоножки на невысоком, но таком неуместном здесь каблуке. Одна пряжка растянулась и волочилась по земле. Кожаные ремешки, тонкие и изящные, были перепачканы грязью. Это было неправильно. Кричаще, до скрежета в зубах неправильно. Здесь все были в сапогах, в тяжелой одежде, с оружием. А я – как на праздник.

- Что здесь происходит? – дико закричала я себе в пустоту, но голос сорвался на хрип.

Мимо, пригибаясь, пробежал молоденький парень, почти мальчишка. На бегу он обернулся, увидел меня, и в его глазах мелькнуло такое же дикое удивление, как и у меня. Но он не остановился, побежал дальше, туда, где гремело и рвалось.

Я заставила себя подняться. Ноги дрожали, каблуки предательски уходили в мягкую землю. Вокруг свистело, выло, ухало. Меня шатнуло в сторону, и я, не удержав равновесия, снова упала на колени, больно ударившись о что-то твердое.

Я зажала уши ладонями, закрыла глаза и сжалась в комок, пытаюсь стать маленькой, незаметной, пытаюсь исчезнуть. В голове билась только одна мысль, глупая, беспомощная, детская: «Это сон. Это просто страшный сон. Сейчас я проснусь. Сейчас я открою глаза, и будет тихо, и я буду лежать в своей кровати...».

Но грохот не стихал. Земля подо мной продолжала вздрагивать. И где-то совсем рядом, перекрывая канонаду, снова зазвучало это могучее, страшное и непонятное «Ура!».

Не знаю, что заставило меня подняться. Наверное, тот самый древний, животный инстинкт, который кричит: «Опасно! Беги!», когда вокруг умирают люди. Я не могла больше лежать, вжимаясь в эту проклятую землю, слушая, как рядом хрипят и стонут раненые.

Я вскочила на ноги.

И побежала.

Куда – я не знала. Просто туда, где, как мне казалось, было меньше дыма, меньше этих жутких разрывов. Каблуки увязали в мягкой весенней земле, я споткнулась о чью-то руку, безвольно откинутую в сторону, взвизгнула и понеслась

дальше. В голове не было ни одной мысли – только мутная пелена ужаса застилала глаза.

Вокруг свистело. Этот звук я запомню на всю жизнь – высокий, тонкий, противный, будто комариный писк, только во много раз злее. И после каждого такого свиста – взрыв, удар, комья земли летят в спину.

Я бежала, спотыкалась, размазывая по лицу слезы и грязь. Легкие горели. Платье противно липло к ногам. В какой-то момент босоножка совсем соскочила, и я побежала босиком, не чувствуя, как острая трава и какие-то палки режут ступни.

- Помогите! – закричала я, но мой крик утонул в общем грохоте. – Кто-нибудь!

И тут я услышала этот звук. Свист, который был громче, ближе, страшнее всех предыдущих. Он летел прямо на меня. Я замерла на долю секунды, понимая, что сейчас – все. Сейчас меня разорвет на куски, и я так и не вспомню, кто я, как здесь оказалась и почему умираю в этом аду в дурацком платье в цветочек.

Чья-то рука с силой дернула меня за плечо, швырнув на землю с такой мощью, что у меня перехватило дыхание.

Я упала, больно ударившись локтем. А в следующее мгновение сверху на меня обрушилось тяжелое, жесткое тело. Оно накрыло меня полностью, прижало к земле, вдавило в нее.

Бабах!

Взрыв грохнул так близко, что меня на мгновение оглушило. В ушах зазвенело, в глазах потемнело. Сверху посыпалась земля, мелкие камешки застучали по спине, по голове.

Тело, накрывшее меня, дернулось, но не ослабило хватку. Я чувствовала запах пота, пороховой гари и еще чего-то терпкого, мужского, чужого. Чувствовала, как часто-часто бьется чужое сердце – или это мое собственное колотится где-то в горле?

Свист стих. Грохот отодвинулся.

Человек надо мной приподнялся, переноса вес на локти, и посмотрел вниз.

Я увидела глаза.

Зеленые.

Не просто зеленые – изумрудные, с темными крапинками, обрамленные густыми ресницами, выгоревшими на солнце. Они смотрели на меня с каким-то диким, неверящим изумлением. Лица я почти не разглядела – только скулу, покрытую пылью и копотью, да прядь темных волос, выбившуюся из-под пилотки.

- Жива? – выдохнул он мне в лицо хрипло, отрывисто.

Я хотела ответить, хотела сказать хоть что-то, но губы не слушались. Я смотрела в эти зеленые глаза, и вдруг почувствовала странное, невероятное спокойствие. На одну секунду война перестала существовать. Остались только они – две изумрудные льдинки в прокопченном лице.

- Ты... - прошептала я одними губами.

Он не дал мне договорить. Резко дернулся, оглядываясь назад, будто оценивая обстановку, потом снова перевел взгляд на меня. В его глазах мелькнуло что-то – то ли злость, то ли отчаяние.

- Лежи! – рявкнул он и начал подниматься.

Я увидела его спину. Гимнастерка на спине была разорвана в клочья, и сквозь прорехи проступала темная, страшная,

мокрая ткань. Кровь.

Он ранен.

Он прикрыл меня собой и получил осколки в спину.

Я хотела закричать, хотела схватить его за руку, но тело вдруг стало ватным, чужим. Зеленые глаза на мгновение вспыхнули передо мной в последний раз, а потом мир поплыл, покачнулся и начал медленно погружаться в темноту.

Последнее, что я слышала – чей-то далекий крик: «Санитара! Лейтенанта ранило!».

А потом была тишина.

Глава 1

Сознание возвращалось медленно, тяжелыми, вязкими толчками. Сначала – звук. Далекий, приглушенный, будто через толщу воды. Стоны. Много стонов. Низкие, мужские, протяжные. Где-то рядом кто-то сдавленно матерился сквозь зубы, где-то дальше – выл раненый.

Потом – запах. О, этот запах я не спутаю ни с чем, даже если проживу сто лет. Йод, карболка, копоть, гнилая солома и что-то сладковато-приторное, тошнотворное, от чего подкатывало к горлу. Кровь. Так пахнет кровь, когда ее много.

Попыталась открыть глаза. Веки были тяжелыми, словно свинцовыми, ресницы слиплись. С третьей попытки мне это удалось, но в глазах все плыло, двоилось, троилось. Надо мной нависал какой-то серый, неровный потолок. Дощатый. Сквозь щели пробивались тонкие лучи света, и в них плясали мириады пылинок.

Я попробовала пошевелиться – и едва не закричала от резкой боли, прострелившей плечо. Голова закружилась, к горлу подступила тошнота. Пришлось замереть, часто дыша, и просто смотреть в этот проклятый потолок, пытаясь понять:

где я, что со мной, кто я?

Память была пустой. Абсолютно. Как белый лист бумаги, как чистое небо без единого облачка. Я не помнила ничего. Совсем. Ни имени, ни возраста, ни того, откуда я. Это было так страшно, что на миг затмило даже боль и эти жуткие звуки вокруг.

Я осторожно повернула голову налево.

И мир обрушился на меня с новой силой.

Я лежала на чем-то, что отдаленно напоминало носилки. Вдоль стен, прижимаясь друг к другу, тянулись такие же импровизированные лежанки — доски на кирпичках, соломенные тюфяки прямо на земляном полу, а кое-где и просто солома, наваленная в углу. И везде — люди.

Раненые. Их было так много, что у меня перехватило дыхание. Замотанные в бинты головы, культы, торчащие из-под серых одеял, залитые кровью гимнастерки, чьи-то ноги в обмотках, безвольно свесившиеся с нар.

Напротив меня, в каких-то двум метрах, сидел, прислонившись спиной к бревенчатой стене, молодой боец. Лицо у него было белое, как мел, глаза закрыты, а вместо правой ру-

ки – окровавленный обрубок, кое-как перетянутый жгутом. Он мелко-мелко дрожал и раскачивался вперед-назад, вперед-назад.

Рядом с ним, на корточках, стояла девушка в белом замызганном халате поверх гимнастерки. Халат был когда-то белым, наверное, но сейчас – бурым от крови, с рваным подолом. Девушка быстро, профессионально, меняла ему повязку, прикусив губу от усердия, а он даже не открывал глаз – только вздрагивал всем телом при каждом прикосновении.

- Потерпи, миленький, потерпи, - приговаривала она тихо, не поднимая головы. – Сейчас легче станет, сейчас...

Где-то в углу, отгороженном простыней, натянутой на веревку, работали врачи. Я не видела их, но слышала отрывистые, резкие голоса:

- Зажим! Быстро зажим, мать твою! Не видишь, артерия?

- Давлю, товарищ военврач, давлению!

- Пилу! Давай, давай, некогда...

Пилу? Какая пила? Я не успела додумать эту мысль, как оттуда донесся звук. Хруст. Мокрый, чавкающий, тошно-

творный хруст, от которого меня вывернуло бы наизнанку, если бы в желудке хоть что-то было.

Я зажмурилась изо всех сил, вцепилась здоровой рукой в край своих носилок. Дерево было шершавым, с занозами. Реальным.

Мимо кто-то пробежал, чуть не задев меня. Я открыла глаза. Медсестра – совсем девчонка, лет восемнадцати, с двумя тощими косичками и безумными глазами – тащила охапку окровавленных бинтов. Ее халат спереди был черным от крови, на щеке – развод грязи, смешанный со слезами.

- Танька, в третью палату! – заорали от входа. – Двоих принесли!

Танька метнулась туда, бросив бинты прямо на пол, рядом с чьей-то отрезанной ступней, на которую я только сейчас обратила внимание. Ступня лежала в серой портянке, почти домашняя, обычная, только отдельно от тела.

Меня замутило. Сильно. Я отвернулась, пытаюсь дышать ртом, чтобы не чувствовать этот запах, и уперлась взглядом в окно. Вернее, в то, что его заменяло - затянутый марлей проем. Марля была серая от пыли, кое-где порванная, и в дыры виднелось яркое, совершенно мирное майское небо.

Синее, чистое, с кучевыми облаками. Как будто там, снаружи, не было этой бойни.

- Очухалась?

Голос раздался прямо надо мной. Я вздрогнула и перевела взгляд.

Надо мной стояла полная немолодая женщина в халате, повязанном поверх ватника. Халат был застегнут криво, на одну верхнюю пуговицу, на груди – пятна йода и свежей крови. Лицо у женщины было усталое, серое от недосыпа, с глубокими морщинками у рта. Но глаза – цепкие, быстрые, внимательные. Она уже протягивала руку к моему лбу, сухая, горячая ладонь легла на кожу.

- Температуры вроде нет, - сказала она скорее себе, чем мне. – Контузия, говорили. Память? – она наклонилась ближе, заглядывая мне в глаза. – Соображаешь? Как звать, помнишь?

Я открыла рот. И поняла, что не знаю ответа.

- Я... - голос сорвался, вышел хриплым, чужим. – Я не помню. Совсем.

Женщина выпрямилась, покачала головой, но удивления на ее лице не было. За этот год она, видимо, насмотрелась и не такого.

- Ясно. Документов при тебе нет. Оделась... - она с сомнением оглядела мое платье, вернее то, что от него осталось – грязные лохмотья, прикрытые какой-то рванью. Видимо, меня укрыли чем-то сверху. – Откуда ж ты такая выряженная взялась?

Я молчала. Что я могла ответить? Я сама хотела бы знать.

- Ладно, - махнула рукой женщина. – Разберемся. Попозже зайду. Лежи пока. Руку не тревожь – осколком царапнуло, зашили. Повезло тебе, легко отделалась.

Она уже развернулась, чтобы уйти, но я вдруг поймала ее за край халата.

- Пойдите... - прохрипела я. – Тот... лейтенант. Который меня спас. Зеленые глаза. Он здесь? Он жив?

Женщина обернулась, и в ее усталых глазах мелькнуло что-то похожее на понимание.

- А, Волошин? – переспросила она. – Старший лейтенант

Волошин? Жив твой лейтенант. В спину ему осколки вошли, спина – решето. Но жив. Крепкий мужик. Вон там лежит, - она мотнула головой куда-то в конец палаты. – Только к нему пока не ходи. Без сознания он. Может, и к лучшему – легче заживает.

Она ушла, а я осталась лежать, глядя в потолок, и в ушах звенело: «Жив. Жив твой лейтенант».

Странно. Я даже не знала его имени до этой минуты. Волошин. Старший лейтенант Волошин. Человек с зелеными глазами, который вырвал меня из-под смерти, приняв удар на себя.

Я закрыла глаза, и под веками снова вспыхнули эти изумрудные крапинки. И странное, необъяснимое чувство – что я обязана ему не просто жизнью. Чем-то большим.

Вокруг продолжали стонать, кричать, звать санитаров. Пахло кровью и смертью. Где-то за стеной, наверное, совсем рядом, глухо ухали разрывы – фронт был близко.

А я лежала и смотрела на пыльный солнечный луч, пробивающийся сквозь щель в дощатой крыше, и пыталась вспомнить, кто я. Но в голове было пусто. Только зеленые глаза и странное чувство, что мой дом теперь здесь. Среди этих

людей.

Глава 2

Я не знаю, сколько проспала. Время здесь будто перестало существовать – его измеряли не часами, а стонами раненых, приходами медсестер, сменой тусклого света в щелях дощатой крыши.

Когда я открыла глаза, было утро. Я поняла это по свету – он был золотистым, мягким, совсем не таким беспощадно-ярким, как в прошлый раз. Пылинки в лучах танцевали как-то спокойнее, что ли. Где-то далеко, за стенами, пела птица. Иволга. Я вдруг отчетливо поняла, что это иволга, хотя откуда я это знала – понятия не имела.

Память все еще молчала.

Я прислушалась к себе. Голова уже не кружилась, тошнота отступила. Плечо ныло тупой, привычной уже болью, но двигать рукой было можно, если осторожно. Тело чувствовало себя странно – будто налитый свинцом, но в то же время живым, окрепшим после долгого забытья.

Я села.

В госпитале было тише, чем вчера. Тише – но не тихо. Стоны никуда не делись, они стали фоном, к которому оказывается, можно привыкнуть. Раненые спали или лежали с открытыми глазами, глядя в потолок. Кто-то тихо молился, кто-то просто смотрел.

Медсестра с косичками – Таня, кажется – сидела у входа на табурете, привалившись к стене, и спала. Голова ее свесилась на грудь, руки безвольно лежали на коленях. Халат на ней был чистый, наверное, сменила. Лицо во сне казалось совсем детским, несмотря на синяки под глазами.

Я осторожно спустила ноги с носилок. На мне была такая же рвань, прикрывающая тело, но под ней я нашла свое платье – вернее то, что от него осталось. Кто-то, видимо, наспех заштопал самые страшные дыры крупными, неровными стежками. Я погладила ткань пальцами – синий цветочек, кружевной воротничок. Чужое, не мое, и одновременно – все, что у меня было.

Вместо босоножек рядом стояли грубые кирзовые сапоги, явно не моего размера, и стоптанные, но чистые портянки. Кто-то позаботился.

Я обулась. Сапоги были велики и болтались на ноге, но это было лучше, чем босиком.

Медленно, держась за стену, я двинулась вдоль нар туда, куда вчера махнула рукой та женщина-врач. Туда, где, по ее словам, лежал Волошин.

Сердце колотилось где-то в горле. Я не знала, что скажу. Просто «спасибо»? Смешно. Какое «спасибо» может быть за спасенную жизнь? Но молчать я тоже не могла. Я должна была увидеть его. Убедиться, что с ним все в порядке.

Я миновала троих раненых. Один, безногий, смотрел в потолок остановившимся взглядом и не моргал. Другой, с пе-

ревязанной головой, тихо позвал:

- Сестра... пить...

Я замерла, оглянулась на спящую Таню, потом на него. Метнулась взглядом – на табурете рядом с ним стояла кружка с водой. Я протянула ее, поддерживая его голову. Он пил жадно, обливая подбородок, потом откинулся и закрыл глаза.

- Спасибо, дочка, - прошептал еле слышно.

Я пошла дальше. Вот он, тот угол, отгороженный простыней. Я отодвинула край ткани – простыня была жесткой, колючей, пахла хлоркой.

За ней было пусто.

Носилки, на которых, видимо, лежал раненый, были аккуратно застелены свежей соломой. Бинты, окровавленные, скомканные, валялись в углу в куче. А его не было.

Я стояла и глупо хлопала глазами, не в силах осознать увиденное. Сердце сначала ухнуло вниз, а потом забилось где-то в пятках, часто-часто, как у пойманной птицы.

- Нет его, - раздалось сбоку.

Я вздрогнула и обернулась. Та самая женщина-врач, что вчера щупала мой лоб, стояла рядом, протирая руки окровавленной ветошью. Сегодня она выглядела еще более усталой, если это вообще было возможно.

- Умер? – спросила я, и голос мой прозвучал глухо, будто не мой.

- Живее всех живых, - женщина усмехнулась уголком рта,

но усмешка вышла невеселой. – Ушел.

- Как ушел? Куда? Он же раненый!

- Раненый, - кивнула она. – Спина в осколках, перевязку только на рассвете делали. А он встал, оделся и ушел. Сказал – у него взвод без командира, ему на позицию надо. Я ему: «Товарищ старший лейтенант, вы ж истекаете кровью!» А он... - она махнула рукой, в которой держала ветошь. – Сказал, что перевяжут там, если что. Не впервой.

Я молчала, переваривая услышанное.

- Когда? – спросила я, наконец.

- На зорьке ушел, часа три назад. Только начало светать. Поднялся, пока все спали, перевязался сам, насколько смог, и ушел пешком. Сказал, тут недалеко, их часть вон за тем леском стоит.

Я смотрела на пустые носилки и чувствовала, как внутри поднимается странное, горькое чувство.

- Вы ему хотели спасибо сказать? – спросила женщина, глядя на меня с каким-то новым, более теплым выражением. – Таких, как он, много. Спасают, рискуют, а потом встают и уходят, даже перевязываться не дают. Некогда им, видите ли.

Я кивнула.

- А вы откуда такая взялись? – вдруг спросила она, окидывая взглядом мое заштопанное платье и огромные сапоги. – В нашей форме не ходите, документов нет, память отшибло. Эвакуированная?

- Я не знаю, - честно ответила я. – Я правда ничего не

помню. Только поле... взрывы... и лейтенанта.

Женщина вздохнула.

- Ладно, Бог с тобой. Разберемся. Помогать-то нам будешь? Руки у тебя целы, ноги ходят. А у нас людей не хватает, сама видишь.

Я посмотрела на палату, полную стонущих, израненных людей, на спящую Таню, на окровавленные бинты в углу. Потом снова на пустые носилки, где совсем недавно лежал тот, кто спас мне жизнь.

- Буду, - сказала я твердо. – Научите.

Женщина кивнула, будто другого ответа и не ждала, и пошла дальше по своим делам, бросив на ходу:

- Ну, тогда иди умойся пока. Танька проснется – скажи, чтоб дала тебе одежду, новую обувь, халат и показала, где вода. Работы много.

Я осталась стоять у пустых носилок, глядя на примятую солому.

Глава 3

Таня проснулась через час. Открыла глаза, испуганно вскочила, оглядывая палату, будто проверяя, не случилось ли чего без нее, и тут же наткнулась на меня взглядом.

- О, очнулась, - выдохнула она, поправляя косички. – Ну как ты? Голова не болит? Память не вернулась?

Я покачала головой. Память молчала, и это начинало пугать уже по-настоящему. Как можно жить и ничего о себе не знать?

- Ничего, - махнула рукой Таня. – У нас тут один боец три недели ничего не помнил, а потом как бахнет – все вспомнил. И жену, и детей, и как корову звали. Так что придет к тебе память.

Она оглядела меня с ног до головы, задержалась взглядом на заштампованном платье и сапогах не по размеру и вздохнула.

- Пойдем. Оденем тебя по-человечески. А то ходишь как чучело огородное, прости господи.

Я послушно поплелась за ней.

Мы вышли из палаты в узкий коридор, сбитый из неструганных досок. Коридор вел в другую пристройку, поменьше. Там стояли деревянные ящики, на веревках сушились бинты, пахло мылом и еще чем-то терпким, лекарственным.

Таня порылась в одном из ящиков и извлекала оттуда аккуратно сложенную одежду.

- Вот. Гимнастерка, юбка, пилотка. Белье, портянки. Сапоги сейчас подберем, у нас есть убитые... то есть, - она запнулась, - снятые с убитых, но чистые, обработанные. Ты не брезгуй, у нас тут все такое.

Она говорила это буднично, как о чем-то само собой разумеющемся, и я вдруг поняла, что здесь смерть – не трагедия, а быт. Часть работы. Часть жизни.

Я взяла гимнастерку в руки. Сукно было грубым, колючим, пахло потом, махоркой и той самой карболкой. На воротах, с изнанки, чернильным карандашом было выведено: «Смирнова П. А. 42г.». Бывший владелец. Скорее всего мертв.

- Не брезгую, - сказала я тихо и начала раздеваться.

Свое платье я сняла с каким-то странным чувством. Оно было единственной ниточкой, связывающей меня с той, прежней жизнью, которую я не помнила. Но оно было рваным, грязным и совершенно неуместным здесь. Таня свернула его аккуратно и убрала в тот же ящик.

- Сохраним, - сказала она. – Вдруг пригодится. Для памяти.

Гимнастерка оказалась велика в плечах, но Таня ловко подвернула в рукава и затянула поясной ремень так, что сидеть стало терпимо. Юбка – темно-синяя, длинная, ниже колен – тоже болталась на талии, но Таня подоткнула ее сзади и заколола английской булавкой.

- Ничего, - оглядела она результат. – Красивая ты. Даже в этом мешке видно. Глаза у тебя... странные. Какого цвета?

- Не знаю, - пожала я плечами. – Я себя в зеркало не видела с тех пор...

Таня метнулась к стене, где на гвоздике висел маленький осколок стекла, вставленный в картонную рамку.

- На, смотришь.

Я взяла в руки это подобие зеркала и впервые увидела свое лицо.

На меня смотрела незнакомка. Русые волосы, спутанные, с соломой, обрамляли бледное лицо. Большие глаза – и правда странные, какого-то серо-зеленого, болотного цвета, с темными кругами под ними. Губы потрескались, на скуле – ссадина. Я всматривалась в черты, пыталась поймать хоть какое-то узнавание, хоть искру памяти. Ничего.

- Красивая, повторила Таня. – Мужики наши заглядываться будут. Ты это... смотри там, не того. У нас с этим строго, но всякое бывает.

Она отвела меня обратно в палату и вручила белый халат. Халат был старый, застиранный до серости, с бурыми пятнами, которые уже не отстирывались, с чужой фамилией на вороте.

- Надевай поверх формы. И пойдем, покажу, что делать. Работы – вагон.

Я надела халат. Он был длинный, почти до пят, пах так же, как все здесь, - кровью и лекарствами. Но в нем я вдруг

почувствовала себя не просто чужой, потерянной девушкой, а кем-то, у кого появилось дело. Смысл.

Первое, чему меня научила Таня, - менять повязки.

- Смотри, - говорила она, ловко орудуя бинтами и ножницами. – Бинт ведешь сверху вниз, чтобы край не топорщился. Узел – сбоку, чтобы больной не лежал на нем. Туго не затягивай – отечет. Слабо – сползает.

Я смотрела и запоминала, хотя руки тряслись. Первому раненому, которому я меняла повязку, было лет сорок. Мужик с бородой, с перебитой ногой. Он смотрел на меня с любопытством.

- Новенькая? – спросил он, морщась, когда я прикоснулась к ране. – Раньше не видел.

- Новая, - кивнула я, стараясь не смотреть на гноящуюся дыру в его ноге.

- Откуда будешь?

- Не помню, - честно отвечаю.

Он удивленно поднял бровь, но переспрашивать не стал.

Только вздохнул.

- Ты давай, осторожней. Не все тут выживают. И не только от ран.

Я поняла, о чем он. Война.

К обеду я уже таскала судна, поила раненных водой, помогала переворачивать тех, кто не мог двигаться, и даже держала одного бойца за руку, пока ему промывали рану. Он сжимал мою ладонь так, что кости хрустели, но молчал, только зубы скрипели.

Вечером я рухнула на свои носилки без сил. Руки дрожали, в глазах стояла красная пелена, в носу – запах крови и гноя. Я смотрела в потолок и думала: кто я? Откуда? И зачем судьба занесла меня сюда?

Но одно я знала точно. Пока я здесь, я буду делать это дело. Потому что эти люди, которые умирают и выживают, которые молча терпят боль и просят только пить, - они не заслуживают, чтобы кто-то просто сидел и смотрел.

И еще я думала о нем. О Волошине. О зеленых глазах, которые мелькнули перед тем, как я потеряла сознание.

Где он сейчас? Жив ли? Добрался ли до своих?

Таня, проходя мимо, заметила, что я не сплю, и присела на край.

- Тяжело? – спросила она тихо.

- Нормально, - ответила я.

- Привыкнешь, - она вздохнула. – Ко всему привыкаешь. Даже к войне.

Она помолчала, потом добавила:

- Тот лейтенант, про которого ты спрашивала... Волошин. Я знаю его. Он тут недалеко, в третьей роте. Командир взвода. Хороший командир, мужики его уважают. Ты это... - Таня замаялась. – Если хочешь, я скажу, когда его снова принесут. Их часть часто пополняют. Может, ранят опять. Тьфу-тьфу, конечно, не дай бог. Но если что – я скажу.

- Спасибо, - ответила я.

И закрыла глаза.

За стеной ухало. Где-то далеко, но достаточно близко, чтобы земля вздрагивала. Май 1942 года. Где-то там, в этом

грохоте, был он. А я лежала здесь, в чужой гимнастерке, с чужой фамилией на вороте, и ждала утра. Чтобы снова менять бинты, таскать судна и держать за руки тех, кто кричит от боли.

Чтобы быть полезной.

Чтобы выжить.

Чтобы однажды сказать ему «спасибо».

Глава 4

Прошла, наверное, неделя. Или две. Я перестала считать дни – они слились в одну сплошную череду перевязок, суден, стирки бинтов и попыток хоть немного поспать в перерывах между стонами.

Госпиталь наш стоял на опушке леса, притулившись к небольшой деревеньке, название которой я никак не могла запомнить. Какое-то простое, деревенское – то ли Пеньково, то ли Петровка. Местные называют его по-своему, сокращенно, и я стесняюсь переспрашивать.

Деревня была маленькая, дворов на тридцать. Избы – почерневшие от времени, с резными наличниками, крытые соломой и дранкой. Жителей почти не осталось – мужики на фронте, бабы и старики работали в поле да помогали нам, чем могли. То картошки принесут, то молока, то хлеба домашнего, пахнущего так, что слюна набегала.

Питались мы скудно. Утром - жидкая пшеничная каша на воде, если повезет – с каплей масла. В обед – баланда из концентратов, в которой плавали редкие кусочки чего-то, отдаленно напоминающего мясо. Хлеб – по двести грамм,

липкий, сырой, пополам с мякиной. Но никто не жаловался. Здесь вообще жаловались редко – разве что когда боль совсем невмоготу.

Я привыкла. Организм, спасибо ему, оказался живучим. Руки научились делать перевязки почти не глядя, глаза – не отводить от самых страшных ран, нос – не замечать запаха гниющей плоти. По ночам я все еще вздрагивала от каждого взрыва, но днем держалась.

Местные бабы поначалу сторонились. Чужая, одетая не пойми во что, да еще без памяти – поди разбери, кто такая. Но потом, увидев, как я таская раненых, как стираю окровавленные бинты в ледяной ручье до кровавых мозолей, полюбились.

- Ты, дочка, как звать-то хоть? – спросила как-то баба Нюра, сухая, жилистая старуха с вечно закатанными рукавами.

Я пожала плечами. Звать – никак. Я сама не знала.

- А документы?

- Нету.

Баба Нюра покачала головой, но ничего не сказала. А наутро принесла мне краюху хлеба и кружку парного молока.

- Пей, - сунула мне в руки. – Худая больно. Работать нечем будет.

Молоко было теплое, пахло коровой и сеном. Я пила маленькими глотками, чувствуя, как по телу разливается тепло, и думала: может, у меня была бабушка? Может, я тоже когда-то пила у нее такое молоко?

Память молчала.

День выдался на редкость солнечный. Такое майское тепло, когда уже не холодно, но еще не жарко, когда воздух прозрачный и пахнет молодой зеленью, а не порохом и гарью. Небо – синее-синее, с редкими облачками, и птицы заливаются так, будто нет никакой войны.

Наступление затихло. То ли наши выдохлись, то ли немцы перегруппировались, но уже третьи сутки стояла тишина. Раненых почти не поступало, те, что лежали, шли на поправку или тихо угасали. У меня выпало целых два часа свободного времени.

Я взяла кружку с кипятком – чай давно кончился, пили просто горячую воду, чтоб обмануть желудок – и вышла из палатки. Села прямо на траву, прислонившись спиной к бревенчатой стене блиндажа, подставила лицо солнцу и закрыла глаза.

Трава уже пробилась густая, зеленая, с одуванчиками. Где-то гудел шмель. Вкусно пахло нагретой сосновой корой и землей. Я отхлебнула горячей воды и чуть не зажмурилась от удовольствия – так хорошо мне не было уже давно.

- Разрешите присесть?

Голос раздался сверху, и я вздрогнула, распахнув глаза.

Передо мной стоял лейтенант. Незнакомый. Молодой, лет двадцати пяти, ладный, подтянутый, в свежей гимнастерке, перетянутой ремнем со звездочкой на пряжке. Пилотка лихо сдвинута набекрень, из-под нее выбивается темная, почти черная прядь.

Но главное – глаза. Черные, как спелая черешня, огромные, с длинными ресницами, и в них пляшут солнечные зайчики. И улыбка – открытая, белозубая, какая-то очень домашняя.

- А? – только и смогла выдавить я, все еще щурясь от солнца.

- Присесть, говорю, можно? – повторил он, не переставая улыбаться. – А то я с дороги, ноги гудят, а кругом одна красота, даже присесть некуда. А тут вы сидите, такая вся загораете, прямо как на курорте.

Он говорил легко, быстро, с каким-то неуловимым южным говорком.

- Садитесь, - я подвинулась, освобождая место на примятой траве.

Он с явным удовольствием плюхнулся рядом, вытянул длинные ноги в начищенных сапогах, снял пилотку и провел рукой по волосам. Волосы у него оказались густые, выющиеся, и от этого движения стали еще более непослушными.

- Красота-то какая, - он глубоко вздохнул, запрокинув голову к солнцу. – Тишина. Птички поют. Прямо как до войны. Вы не представляете, как я по такой тишине соскучился.

- Представляю, - тихо ответила я.

Он повернул ко мне голову и внимательно посмотрел.

Глаза у него, и правда, были удивительные – черные, теплые, с золотыми крапинками.

- А я вас тут раньше не видел. Вы из госпиталя? Сестра?

Я кивнула.

- Санитарка.

- А, санитарка, - он почему-то обрадовался. – Это хорошо. Это самое нужное дело сейчас. Я вот в разведке служу, так наших санитарок как родных встречаем. Если б не они, половина взвода уже кости бы мыла.

Он говорил так просто и открыто, что я невольно улыбнулась в ответ.

- А вы здешняя? – спросил он, закуривая. Протянул было пачку и мне, но я покачала головой. – Местная? Или эвакуированная?

- Не знаю, - честно ответила я. – Я не помню.

Он удивленно поднял брови, и я, сама не зная зачем, рассказала ему все. Как очнулась в поле под взрывами, в платье и босоножках, без памяти, как меня спас какой-то лейтенант,

как я очнулась в госпитале и осталась здесь работать.

Он слушал внимательно, не перебивая, только дымил папиросой и смотрел на меня своими черными глазами. Когда я закончила, он присвистнул тихонько.

- Ничего себе история. Прямо как в книжке. А того лейтенанта, что спас, нашли?

- Ушел, - я пожала плечами. – На позиции. Я его с тех пор не видела.

- Ну, найдете еще, - уверенно сказал он. – Здесь все друг друга знают. А если из наших кто – я спрошу. Кстати, - он вдруг спохватился и вскочил, вытянувшись по стойке смирно, но с той же дурашливой улыбкой. – Лейтенант Соколов, Александр. Можно просто Саша. Разведка, третья рота. А вас-то как звать, если не секрет?

Я растерялась.

- Я не знаю, - ответила я, и в который раз это прозвучало горько. – Совсем не знаю. Может, Катя? Может, Маша? Может, вообще иностранка какая?

- А давайте я вас буду звать... - он задумался, глядя на меня, и вдруг его лицо осветилось. – Весна! Вы когда появились? В мае? Вот и будете Весна. Идет?

Я фыркнула.

- Какая я вам Весна?

- Самая настоящая, - он снова уселся на траву, теперь ближе. – Глаза у вас цвета весенней травы, волосы, как молодая солома, и появились неизвестно откуда, как весна. Чем не имя?

- Солома? – я притворно нахмурилась. – Спасибо, конечно, за комплимент.

Он засмеялся – звонко, заливисто, совсем по-мальчишески.

- Ладно-ладно, красивые у вас волосы. Русые. Золотистые. А имя... ну не безымянной же вам ходить. Давайте придумаем что-нибудь?

- А если я вспомню свое настоящее?

- Тогда и будем по-настоящему, - легко согласился он. – А пока – давайте временное. Чтоб было.

Я задумалась. Странно, но мне действительно надоело быть просто «девушкой» или «санитаркой». Таня звала меня

по всякому – то «эй», то «подруга», то просто «ты». Врачиха – «новая». А тут человек предлагает имя, пусть и выдуманное.

- Катерина, - вдруг сказала я. – Почему-то это имя крутится в голове. Не знаю почему. Может, мое, может, нет. Но отзывается как-то.

- Катерина, - повторил Саша с явным удовольствием. – Красиво. Катя. Катюша. Песня даже есть такая. Про девушку, которая на берег выходила. А вы, Катя, выходите?

- Куда? – не поняла я.

- На берег, - он кивнул куда-то в сторону, где за деревьями угадывалась речка. – Там у нас ручей, а дальше речка небольшая. Местные говорят – Гнилуша называется, но вода чистая. Искупаться можно, если немцы не увидят.

Я улыбнулась.

- Нет, не выходила. Все некогда было.

- Ну вот, - он хлопнул себя по коленям. – Значит, исправлять будем. Как выдастся часок – сходим. Я вам все местные достопримечательности покажу. Тут, между прочим, цер-

ковь есть старая, еще до петровских времен. Немцы ее не тронули пока, стоит. Красивая.

Он говорил и говорил, перескакивая с темы на тему, и я слушала, и мне вдруг стало легко. Не думать о войне, о раненых, о смерти. Просто сидеть на травке, греться на солнышке и слушать, как говорит этот черноглазый лейтенант.

- ... а вы откуда? Не знаете... ну и ладно. Может, с Урала? Там девушки красивые. Или с Волги? У нас в разведке парень есть с Волги, так он говорит, волжанки – самые лучшие...

- Саша, - перебила я, смеясь. – Вы всегда так много говорите?

Он замер на полуслове, потом широко улыбнулся.

- Всегда. Мамка говорила – язык без костей. На войне, говорит, помолчи хоть иногда, а то немцы услышат. А я не могу. Я ж разведчик, мне молчать положено. А как выберусь к людям – прорывает. Извините, если утомил.

- Нет, - я покачала головой. – Не утомили. Даже наоборот. Приятно слышать человеческую речь, не про боль и смерть.

Он посмотрел на меня серьезно, черные глаза стали глубже.

- Тяжело вам тут, Катя. По глазам вижу. Вы держитесь. А если что – вы знайте, я рядом. Третья рота вон за тем леском стоит. Приходите, если что. Или передайте кому – мигом прибегу.

Мне стало тепло от его слов. Не от того, что он ухаживал или клеился – нет, он говорил это просто, по-человечески, как другу.

- Хорошо, Саша, - ответила я. – Обязательно.

Он поднялся, отряхнул гимнастерку, надел пилотку.

- Пойду я. А то засиделся, а у нас там... - он махнул рукой куда-то вдаль. – Работа. Вы это, Катя, берегите себя. И не забывайте – вы теперь с именем. Катерина. Красивое имя.

Он козырнул на прощание и пошел своей легкой, размашистой походкой в сторону леса. Я смотрела ему вслед и думала: странно, как на войне быстро знакомятся. Как быстро люди становятся близкими. Потому что завтра может не стать ни его, ни меня, и важно успеть сказать доброе слово.

Я допила остывшую воду, подставила лицо солнцу и закрыла глаза.

Катерина. Меня зовут Катерина.

Хорошо-то как...

Глава 5

Слух о концерте разнесся по госпиталю еще утром. Таня влетела в палату с круглыми от восторга глазами, размахивая руками так, что подол халата взметнулся.

- Катька! Концерт! Сегодня вечером в деревне! Артисты настоящие приехали, из Москвы! Певицы, плясуньи, баянист! Я в прошлом году была в последний раз на концерте! Это просто сказка!

Я отжимала бинты над тазом, руки были красные от холодной воды и распаренные.

На концерт? Среди всей этой крови, грязи и смерти?

- Тань, мне некогда, - начала я, но она перебила.

- Некогда ей! – всплеснула руками. – Да тут затишье, раненых нет, все перевязаны, накормлены, спят. Начальство отпускает по очереди. Мы с тобой во вторую смену пойдем. Слышишь? Ты когда последний раз людей живых видела, не в бинтах и не со стонами?

Я задумалась. А ведь правда. Кроме раненных, медперсонала и пары местных баб я никого не видела. И даже забыла, что есть другая жизнь – с музыкой, смехом, песнями.

- Хорошо, - сдалась я. – Уговорила.

Таня взвизгнула и убежала, крикнув на ходу, чтоб я к вечеру была как огурчик.

Вечер наступил удивительно быстро. Солнце еще не село, но уже клонилось к горизонту, заливая все вокруг мягким золотистым светом. Мы с Таней прихорошились – как могли. Она одолжила у местной девчонки чистый платочек и повязала его на голову, а я просто умылась и расчесала волосы. Они у меня оказались длинные, и Таня ахнула:

- Катька, красота-то какая! Ты чего их прячешь все время?

- Удобнее так, - пожала я плечами. – С ранеными возиться – только мешать будут.

Мы пошли в деревню пешком, через поле. Вечер был теплый, пахло цветущей черемухой и еще чем-то сладким, ве-

сенним. Где-то в кустах соловей пробовал голос – несмело, отдельными трелями. Трава уже поднялась, сочная, и в ней стрекотали кузнечики.

- Красота-то какая, - выдохнула Таня, останавливаясь посреди поля. – Прямо как до войны. Я в деревне у бабушки каждое лето такое слушала. А ты?

- Не помню, - привычно ответила я.

Таня виновато замолчала, взяла меня за руку и потащила дальше.

- Ничего, вспомнишь. Обязательно.

В деревне было не протолкнуться. Прямо на околице, у старого амбара с широкими дощатыми воротами, соорудили сцену – несколько сбитых щитов, сверху натянут брезент, по бокам – факелы на шестах. Вместо зала – вытоптанная площадка, на которой стояли, сидели на траве, на бревнах, на ящиках, кто на чем.

Раненые – те, кто мог ходить, - заняли места поближе. Кто на костылях, кто с перевязанной головой, кто просто бледный и худой, но с горящими глазами. Здоровые солдаты стояли кучками, курили, перешептывались. Местные бабы при-

нарядились – кто в цветастые платки, кто в кофты с кружевами, кто просто умывался и причесал детей. Детей тут было немного, но они вились тут же, юркие, как воробьи.

Атмосфера стояла удивительная. Как будто войны не было. Как будто просто летний вечер, деревенский праздник, гармошка и песни. Даже воздух казался другим – легким, праздничным.

Таня тащила меня в первый ряд, но я упиралась.

- Тань, давай с краю, я стесняюсь, - шептала я.

- Стесняется она! – фыркнула Таня, но все же свернула к большой липе, под которой уже сидели на траве несколько бойцов.

Мы устроились на траве, подстелив под себя телогрейки, которые Таня предусмотрительно захватила. Пахло нагретой за день землей, травой и махоркой. Где-то заиграла гармонь – сначала несмело, пробуя лады, а потом полилась раздольная, широкая мелодия.

На сцену вышли артисты. Девушка в ярком сарафане и кокошнике – бутафорском, конечно, но издалека смотрелось красиво – и парень в косоворотке, с гармонью в руках. Они

запели «Катюшу».

И тут же толпа подхватила. Солдаты, бабы, даже дети – все запели, кто во что горазд, кто правильно, кто фальшивя, но так душевно, что у меня защипало в глазах.

- Расцветали яблони и груши, - пела Таня рядом, зажмурившись от удовольствия.

Я подпевала тихонько, хотя слов почти не знала. Странно – откуда-то они всплывали в памяти, будто я всегда их знала.

Потом была «Огонек», потом «Синий платочек», потом плясовая под гармонь, и какие-то девчонки из местных выскочили в круг и пошли вприсядку, задрав юбки, босые, счастливые. Солдаты хлопали, свистели, кричали «Лихо!», а одна бабка рядом со мной утирала слезы кончиком платка.

- Дочка, - сказал она мне вдруг. – А ты чего не веселишься?

- Веселюсь, бабушка, - улыбнулась я. – Просто смотрю.

- Смотри, смотри, - она кивнула. – Может, последний раз как-то. Война, она...

Она не договорила, махнула рукой и снова уставилась на сцену.

Я скользила взглядом по толпе, разглядывая лица. Кто-то смеялся, кто-то хмурился, кто-то курил, задумавшись о своем. И вдруг мой взгляд зацепился за знакомую фигуру.

Саша. лейтенант Соколов. Он стоял в компании двух других офицеров чуть поодаль, у стены соседнего дома, и тоже смотрел концерт. Лица его товарищей были мне не видны – они стояли в тени.

Я толкнула Таню локтем.

- Тань, я сейчас. Знакового увидела.

Она махнула рукой – иди, мол – и снова уставилась на сцену, где артисты уже разгоняли публику на хоровод.

Я поднялась, отряхнула юбку и пошла через толпу, лавируя между сидящими и стоящими. Сердце билось ровно – просто обрадовалась знакомому лицу, просто хотела сказать «привет» черноглазому болтуну Саше, который подарил мне имя.

- Саша! - окликнула я, подходя ближе.

Он обернулся, и лицо его расплылось в широкой улыбке.

- Катя! – заорал он радостно. – А я думал, вы не придете. Думал, опять с бинтами своими возитесь. Идите к нам, у нас тут самое лучшее место, все видно!

Я подошла, улыбаясь. Потом перевела взгляд на его спутников.

И замерла.

Потому что один из них повернулся ко мне.

Зеленые глаза.

Те самые.

Они смотрели на меня в упор – изумрудные, с темными крапинками, обрамленные густыми ресницами, выгоревшими на солнце. Те глаза, которые я видела перед тем, как потерять сознание. Которые снились мне потом несколько ночей подряд. Которые я искала в толпе каждый раз, когда приносили новых раненых.

Волошин.

Он стоял вполоборота, опираясь плечом о бревенчатую стену, и смотрел на меня. Лицо его было бледнее, чем в тот раз, под глазами залегли тени – сказывалась рана. Но взгляд... взгляд был холодным. Отстраненным. Чужим.

В нем не было ни искры узнавания.

Я открыла рот, чтобы что-то сказать, но слова застряли в горле. Язык прилип к небу, в голове зашумело. Сердце пропустило удар, а потом забилося где-то в висках, часто-часто, заглушая музыку и голоса.

- Катя? – Саша удивленно смотрел на меня. – Вы чего побледнели? Плохо?

- Я... - выдавила я, чувствуя, как горят щеки. – Нет, все хорошо. Просто... показалось.

Я отвернулась. Резко, может быть, даже слишком резко. И уставилась на сцену, где хоровод уже распался и артисты кланялись под аплодисменты.

Почему он смотрит так, будто видит меня впервые? Он не помнит? Или делает вид? Или я ошиблась, и это не он?

Но нет. Эти глаза я не спутаю ни с чем.

Я стояла, вцепившись взглядом в сцену, и молилась, чтобы щеки перестали гореть, чтобы голос вернулся, чтобы земля разверзлась и поглотила меня прямо здесь. Краем уха слышала, как Саша что-то говорит своим товарищам, как они отвечают коротко, односложно.

Через минуту я собралась с духом и обернулась.

Его не было.

На том месте, где только что стоял высокий мужчина с зелеными глазами, теперь темнела только пустая стена, освещенная отблесками факелов. Только примятая трава напоминала, что он здесь был.

Саша стоял рядом с оставшимся товарищем – коренастым сержантом с обветренным лицом – и удивленно крутил головой.

- А куда это Волошин делся? – спросил он у сержанта. – Только ж тут стоял.

Сержант пожал плечами.

- Ушел.

- И не предупредил, - хмыкнул Саша. – Вечно он так. – Он снова повернулся ко мне и, заметив мое состояние, нахмурился. – Катя, вы точно в порядке? На вас лица нет. Присядете, может?

Я мотнула головой, сглатывая ком в горле.

- Нет, Саша, спасибо. Мне... мне к Тане надо. Она там одна. Я пойду.

- Да подождите, - он схватил меня за руку. – Мы ж не познакомились даже . Это вот, - кивнул на сержанта. – Мой друг, Павел. Паша. А тот, который ушел – командир наш, старший лейтенант Волошин. Хороший мужик. Вы не смотрите, что он такой холодный – он со всеми так. Это не со зла, просто характер.

Я кивнула, не в силах говорить.

Волошин. Значит, не ошиблась. Это он. Тот самый. И он ушел, даже не взглянув на меня во второй раз.

- Кать! – донеслось из толпы. Таня махала мне рукой. – Иди сюда, сейчас петь будут!

Я выдохнула, заставила себя улыбнуться Саше и Павлу.

- Спасибо за компанию. Я пойду. Рада была познакомиться-ся, Паша.

Сержант кивнул, глядя на меня с любопытством.

Я пошла к Тане, чувствуя спиной их взгляды. А в голове билась одна мысль: почему? Почему он ушел? Из-за меня? Не узнал? Не захотел узнавать? Или ему все равно?

Музыка гремела, бабы выплясывали, солдаты хлопали. А я сидела на траве рядом с Таней, смотрела на сцену невидящими глазами и думала о зеленых глазах. И вдруг поняла, что улыбаюсь.

Широко, открыто, глупо.

Глава 6

Он жив!

Эта мысль пробилась сквозь первоначальное смятение, сквозь обиду и растерянность, и засияла внутри ярким, теплым светом. Я видела его. Своими глазами. Он стоял вон там, у стены, опираясь плечом на бревно, бледный после ранения, с темными кругами под глазами, но живой. Настоящий.

Он не умер в том лесу, куда ушел на рассвете. Не истек кровью по дороге. Не погиб от нового осколка. Он здесь, рядом, в этой же деревне, ходит по той же земле, дышит тем же воздухом.

Зеленые глаза. Я снова увидела эти зеленые глаза.

Сердце мое вдруг сделала странный кульбит в груди, а потом забилось быстро-быстро, как птица в клетке. И по всему телу разлилось тепло, легкое, щекотное, от которого кружилась голова и хотелось смеяться.

Я засмеялась. Прямо вслух, ни с того ни с сего.

- Ты чего? – удивилась Таня, отрываясь от зрелища. – Кать, ты чего ржешь?

- Ничего, - я мотнула головой, но улыбка не сходила с лица. – Просто хорошо. Таня, как же хорошо!

- С концерта, что ль, так прет? – хмыкнула она, но тоже улыбнулась. – А ведь правда, хорошо. Прямо как в мирной жизни.

Я кивнула, но дело было не в концерте. Вернее, не только в нем.

И снова начала искать его глазами в толпе. Вытягивала шею, вертела головой, вставала на цыпочки.

Ну, где же ты? Я же не успела ничего сказать, не успела даже улыбнуться тебе как следует. Я просто стояла как дура с открытым ртом, а ты смотрел на меня своим холодным взглядом и молчал. А потом ушел.

Но сейчас, остыв от первой встречи, я поняла: плевать. Плевать, что он холодный. Плевать, что он не узнал или сделал вид. Главное, что он есть. Что я могу еще раз, случайно, как сегодня, увидеть его. В толпе, в лесу, в госпитале – неважно.

Я буду искать. Буду ждать.

- Ты кого-то высматриваешь? – Таня проследила за моим взглядом.

- Нет, - слишком быстро ответила я. – Просто смотрю.

- Ага, - протянула Таня недоверчиво. – Смотрит она. Глаза, как у кошки, которая мышь учуяла. Слушай, а ты случайно не в того лейтенанта втюрилась, черноглазого? Соколова? Он вон там стоял, я видела.

- Сашу? – я фыркнула. – Нет, Тань, мы просто знакомы. Он мне имя дал.

- Имя? – удивилась Таня.

Я рассказала ей про нашу встречу, про то, как Саша предложил называть меня Весной, а я вспомнила про Катерину. Таня слушала и качала головой.

- Хороший парень, Соколов. Веселый. Все наши девки по нему сохнут. А он, говорят, ни на кого не смотрит – все война, война.

Я слушала Таню, а в голове звучало другое. Волошин. Старший лейтенант Волошин. Саша сказал, он их командир. Значит, они вместе, в третьей роте. Значит, если я захочу его увидеть – смогу. Надо только придумать как.

Весь оставшийся вечер я просидела как на иголках. Вертела головой, вглядывалась в каждую высокую фигуру в гимнастерке, в каждый профиль, освещенный факелами. Но его не было. Он ушел и не вернулся.

И все равно я улыбалась.

Артисты пели частушки – я смеялась. Солдаты плясали вприсядку – я хлопала. Местный мальчишка принес мне ромашку, сорванную где-то в поле, - я расцеловала его в обе щеки, и он убежал счастливый и сконфуженный.

- Катька, да что с тобой сегодня? – недоумевала Таня. – Ты будто самогонки выпила.

- Не выпила, - смеялась я в ответ. – Просто весна, Таня. Весна!

Она махнула рукой и переключилась на сцену, где объявили последний номер.

Концерт кончился поздно. Факелы погасили, артистов

увезли куда-то на попутной полуторке, солдаты разошлись по расположениям, местные разбрелись по домам. Мы с Таней остались одни посреди пустой деревенской околицы.

- Пойдем, Кать, - зевнула она. – Завтра рано вставать.

Мы пошли через поле к госпиталю.

Ночь была удивительная. Теплая, тихая, совсем не военная. Луна висела над лесом огромная, желтая, как спелая дыня, и заливала все вокруг молочным светом. Трава серебрилась, в ней стрекотали кузнечики, и где-то далеко, у речки, пел соловей – заливался так, что сердце замирало.

Я шла и чувствовала, как земля пружинит под ногами, как воздух входит в грудь сладкий, пьяный, весенний. И на душе было так легко, так радостно, будто я не санитарка в прифронтовом госпитале, а девчонка, которая идет на первое свидание.

- Хорошо-то как, - прошептала я.

- Ага, - отозвалась Таня. – Только спать охота.

Я посмотрела на небо. Звезды горели ярко, крупно, будто их специально развесили над полем для красоты. И вдруг

мне подумалось: а может, он тоже сейчас смотрит на это небо? Может, стоит где-то там, у себя в расположении, и тоже видит эту луну и эти звезды?

Мысль эта обожгла теплом.

Я встречу его снова. Обязательно встречу. Может, завтра. Может, через неделю. Может, когда привезут раненых – а он, не дай Бог, опять попадет под осколки. Нет, не надо под осколки. Просто так встречу. Выйду утром из палаты, а он будет стоять и ждать.

Я улыбнулась своей глупой фантазии.

- Ты чего лыбишься в темноту? – подозрительно спросила Таня.

- Ничего, - ответила я. – Просто думаю о хорошем.

- О мужике небось? – хмыкнула она. – Я ж вижу, Катька, не слепая. Втюрилась в кого-то сегодня. Глаза горят, улыбка до ушей.

Я промолчала. Не стала отрицать. Потому что так оно и было.

Втюрилась.

В человека, который спас мне жизнь и даже не захотел со мной разговаривать. В холодного, строго лейтенанта с зелеными глазами, от которого веет морозом, как от проруби зимой.

Глупо? Наверное. Но сердцу не прикажешь.

В палате было тихо. Раненые спали, только кто-то в углу тихо постанывал во сне. Мы с Таней разделись в темноте, забрались на свои носилки.

- Спокойной ночи, Кать, - зевнула Таня.

- Спокойной, - ответила я.

Лежала на спине, глядя в потолок, сквозь щели которого пробивался лунный свет. Пахло сосновой смолой, лекарствами и еще чем-то неуловимо весенним, что проникало сквозь стены.

Перед глазами снова и снова вставала картина: он у стены, в свете факелом, поворачивается ко мне, и наши взгляды встречаются. Зеленые глаза. Такие глубокие, что можно утонуть.

Почему он ушел? Почему не подошел, не заговорил? Может, не узнал? Но как можно не узнать человека, которого спас, которого держал в руках?

Или узнал, но ему все равно?

От этой мысли кольнуло где-то под сердцем, но я отогнала ее. Нет. Не может быть все равно. Не может человек, который прикрыл тебя собой, быть равнодушным. Просто он такой – Саша сказал, Волошин со всеми такой холодный. Значит, и со мной так же.

Я засыпала под соловьиные трели, долетающие с речки, и думала о том, как завтра начну искать его. Спрошу у Саши, где точно стоит их рота. Придумаю предлог. И когда мы встретимся снова, я не растеряюсь. Я улыбнусь ему и скажу:

- Здравствуйте, товарищ старший лейтенант. Спасибо, что спасли мне жизнь. Я Катя.

А он посмотрит на меня своими зелеными глазами и... и что-то будет.

С этими мыслями я провалилась в сон. Легкий, счастливый, полный лунного света и соловьиных трелей.

Глава 7

Утро выдалось хмурым. Небо затянуло серой пеленой, накрапывал мелкий, противный дождь, который мгновенно превращал землю в липкое месиво. Раненые в палате капризничали, у кого-то поднялась температура, и мы с Таней носились как угорелые с самого рассвета.

К обеду раненые успокоились, дождь перестал, и даже выглянуло солнце, робкое, майское. Мы с Таней выбрались на крыльцо покурить – она курила, а я просто сидела рядом, греясь на солнышке.

- Тань, - начала я как можно небрежнее, глядя куда-то в сторону леса. – А тот лейтенант, вчера... ну, который с Сашей стоял, а потом ушел. Волошин. Ты его знаешь?

Таня выпустила струйку дыма и покосилась на меня.

- Волошина? Игоря? Знаю. А что?

- Да ничего, - я пожала плечами, стараясь, чтобы голос звучал равнодушно. – Просто Саша говорил, он их командир. Интересно стало. Какой он?

- Какой? – Таня затаилась, задумалась. – Страшный человек, если честно. Не в смысле лицом – лицом красивый, девки наши по нему сохнут. А характером... ледяной. Ни улыбнется, ни лишнего слова не скажет. Всегда один, всегда молчит. В разведку ходит – и каждый раз живой возвращается. Мужики говорят, у него чутье звериное.

- В разведку? – переспросила я, и сердце почему-то екнуло.

- Ага. Он же в разведроту, у Соколова. Они за линию фронта ходят, языков таскают. Волошин – командир группы. Самый рискованный, говорят. И самый везучий. – Таня хмыкнула. – Потому все и удивились, когда его осколками посекало. Обычно он из таких переделок выходит – ни царапины. А тут на тебе, на ровном месте, осколочное.

Я молчала, переваривая информацию. Значит, он разведчик. Ходит к немцам, рискует жизнью каждую ночь. И каждый раз возвращается. До прошлого раза.

- А вчера он почему ушел так резко? – спросила я, стараясь, чтобы вопрос прозвучал просто из любопытства.

- А кто его знает, - пожала плечами Таня. – Может, рана

разболелась. Может, в часть надо было. Может, Наташка его ждала.

Последние слова она произнесла буднично, как само собой разумеющееся. А меня будто обожгло.

- Наташка? – переспросила я, и голос мой дрогнул, хотя я изо всех сил старалась этого не показать. – Кто это?

- Наташа, медсестра из соседнего госпиталя, - Таня докурила, потушила окурок о перила и отправила его в жестянку, приспособленную под пепельницу. – Красивая, зараза. Высокая, грудастая, волосы русые, глаза голубые. Все мужики на нее заглядываются. А она выбрала Волошина.

- Выбрала? – я чувствовала, как внутри разрастается что-то холодное и липкое. – Они что, вместе?

Таня усмехнулась.

- Считается, что вместе. Только странные они какие-то. Их никто никогда вдвоем не видел. Она тут недалеко, в медсанбате при штабе работает. Вроде бы встречаются, а где и когда – непонятно. Может, он к ней ходит, когда с разведки возвращается. Может, они письма пишут. Никто не знает. Но все знают, что она его девушка.

- Откуда же все знают, если никто не видел? – спросила я, и в голосе против воли проскользнула ехидная нотка.

Таня пожала плечами.

- Слухи, Катя. На войне слухи быстро расходятся. Кто-то видел, как она ему передачку приносила. Кто-то слышал, как она про него говорила. Он сам ни разу не подтверждал, но и не опровергал. А раз молчит – значит, правда.

Я отвернулась, делая вид, что разглядываю облака.

- Красивая, говоришь? – спросила я как можно равнодушной.

- Очень, - кивнула Таня. – Прямо картинка. Все при ней. И фигура, и лицо, и характером вроде не стерва. Странно, что она в такого серьезного влюбилась. Обычно девки любят веселых, вроде Соколова. А тут – на тебе. Лед и пламень.

- Может, он не такой уж лед, - тихо сказала я, скорее себе, чем Тане.

- А кто его знает, - зевнула она. – Мужики – они все одинаковые, пока не узнаешь как следует. Ладно, пойдем, Катя. Скоро перевязки вечерние.

Я встала, отряхнула юбку, и мы пошли в палату. Но мысли мои были далеко.

Игорь. Его зовут Игорь.

Красивое имя. Твердое, мужское. Подходит ему.

Игорь Волошин. Разведчик, который ходит к немцам и возвращается невредимым. У которого чутье звериное. Который молчит и никого не подпускает.

Кроме Наташи.

Красивой Наташи с голубыми глазами и русой косой.

Я представила их рядом – высокого, статного, зеленоглазого, и эту идеальную медсестру с картинки. И внутри что-то противно заныло, заскребло кошками.

- Глупости, - прошептала я себе под нос, заходя в палату.
– Какие глупости.

Весь вечер я работала как автомат. Меняла повязки, поила раненых, таскала судна, стирала бинты. Делала всё механически.

Как только вся основная работа была выполнена, мы с Таней сели ужинать – баланда с сухарем, - я спросила как бы между прочим:

- Тань, а Наташа очень красивая?

- Очень, - повторила Таня. – Ты только не думай, Кать, ты тоже ничего. Просто она... ну, такая, заметная. А ты тихая. Но это даже лучше. Мужчины любят загадки.

- Я не загадка, - усмехнулась я. – Я просто пустое место без памяти.

- А вот и нет, - серьезно сказала Таня. – Ты – Катерина. Ты здесь, ты работаешь, ты спасаешь людей. Память вернется – не вернется, а ты уже есть. Поняла?

Я кивнула, но на душе было муторно.

Ночью я лежала на своих носилках, смотрела в потолок и слушала, как за стеной ухают далекие разрывы. Спать не хотелось. Перед глазами стоял он. И рядом – она.

Глупая. До чего же глупая.

Я даже не знаю этого человека. Он мне ничего не обещал. Он даже не посмотрел на меня толком. А я лежу и ревную к какой-то Наташе, которую в глаза не видела.

Я закрыла глаза и попыталась представить его лицо. Зеленые глаза, темные брови, жесткая линия губ. Каким он бывает, когда не один? Когда с ней? Улыбается? Смеется? Говорит нежные слова?

Или он с ней такой же холодный, как со всеми?

Почему-то от этой мысли стало чуточку легче. Но только чуточку.

Я повернулась на бок, поджала ноги к животу и заставила себя думать о другом. О завтрашних перевязках. О том, что надо бы сходить к местным за молоком для тяжелых.

- Спи, Кать,- шепнула я себе. – Завтра новый день.

И провалилась в беспокойный сон, полный обрывков лиц и голосов.

Глава 8

День выдался солнечный, даже жаркий – непривычно жаркий для мая. После вчерашнего дождя природа будто ожила, трава полезла вверх прямо на глазах, а в воздухе стоял такой густой запах зелени и цветов, что кружилась голова.

Раненых было немного, и я вызвалась стирать бинт. Работа нехитрая, но грязная и нудная – замачивать, тереть, полоскать, развешивать. Зато на свежем воздухе, у ручья, где всегда прохладно и пахнет водой и тиной.

Ручей протекал в ложбине, метрах в двухстах от госпиталя, за молодым осинником. Вода в нем была чистая, холодная, с быстрым течением. Местные бабы говорили, что ручей этот родниковый, потому и не замерзает зимой.

Я устроилась на большом плоском камне у самой воды, поставила рядом таз с окровавленными бинтами и принялась за работу. Стирать приходилось в ледяной воде, руки быстро краснели и немели, но я уже привыкла. Ритмичные движения успокаивали, давали возможность думать о своем.

Бинт противно хлюпал в воде, окрашивая ручей в розо-

вый цвет ниже по течению. Я полоскала его, отжимала и откладывала в сторону, в кучу готовых.

Вокруг было тихо. Только вода журчала по камням, да птицы перекликались в осиннике. Солнце поднималось выше, припекало спину, и даже ледяная вода не спасала от тепла.

Я сняла косынку, распустила волосы, подставив затылок солнцу. Хорошо...

И вдруг краем глаза уловила движение.

Там, выше по ручью, метрах в двадцати, где осинник подходил почти к самой воде, кто-то был.

Я замерла, всмотрелась.

Мужчина. В белой рубашке, ослепительно белой на фоне зелени, с закатанными рукавами. Он стоял на коленях у самой воды и что-то стирал. Рядом на траве валялась гимнастерка – защитного цвета, с офицерскими погонами.

Сердце мое пропустило удар, а потом забилось где-то в горле.

Я узнала бы эту спину из тысячи. Широкие плечи, прямая осанка, темные волосы на затылке, чуть влажные, будто он только что умылся. Он был сосредоточен на своем деле и не смотрел по сторонам. Тер какую-то ткань, полоскал в воде, снова тер.

Волошин.

Я замерла, боясь дышать. Сидела на своем камне с окровавленным бинтом в руках и смотрела на него во все глаза.

Он был в одной рубашке. Белоснежной, наверное, только что надетой – или, наоборот, давней, но сохраненной для особых случаев. Рубашка облегла спину, и я видела, как под тонкой тканью перекачиваются мышцы, когда он двигается.

Он стирал гимнастерку. Я видела, как отжимает ее сильными руками, как полощет в воде, как снова трет какое-то пятно – темное, бурое. Кровь.

В груди стало тесно.

Вот он. Рядом. Совсем близко. Я могла бы окликнуть его, подойти, заговорить. Сказать, наконец, те слова, которые не сказал тогда, в поле, перед тем как потерять сознание. Сказать «спасибо». Узнать, помнит ли он меня.

Но я не могла пошевелиться. Сидела, как статуя, вцепившись в мокрый бинт, и смотрела.

Он не замечал меня. Был полностью поглощен своим занятием – тер гимнастерку, полоскал, смотрел на свет, проверяя, отошло ли пятно. Оно не отходило – я видела, как он хмурился, как проводит рукой по лицу, убирая капли воды.

Солнце играло на воде, блики бегали по его рубашке, по лицу, по рукам. Он был красив. До боли, до сердечного спазма красив.

Вдруг он поднял голову и посмотрел в мою сторону.

Я замерла, перестав дышать. Спрятаться было негде – я сидела на открытом месте, на своем камне. Но он смотрел сквозь меня. Рассеянно, будто видел не меня, а что-то другое – может, осинник за моей спиной, может, небо. Взгляд его скользнул по моей фигуре и ушел в сторону, даже не задержавшись.

Он меня не узнал. Или не заметил. Или сделал вид, что не заметил.

Он снова опустил голову, выжал гимнастерку, сложил ее аккуратно и положил рядом с собой на траву. Потом зачерп-

нул воды в ладони, умылся, провел мокрыми руками по волосам.

Я смотрела, как замороженная на каждое его движение. На то, как блестят капли воды на его шее, на ключицах, видных в вырезе рубашки. На то, как ветер играет выбившейся прядью.

Он встал. Подхватил гимнастерку, встряхнул ее, перекинул через плечо. Сделал шаг, другой – туда, в осинник, откуда пришел.

Уходит.

Сейчас уйдет, и я снова его потеряю.

- Подождите! – вырвалось у меня.

Громко, резко, неожиданно для самой себя.

Он замер. Медленно повернул голову.

И наши взгляды встретились.

Зеленые глаза смотрели на меня в упор. Теперь в них не было рассеянности – только холодное, спокойное внимание. Он ждал.

А я сидела на камне с окровавленным бинтом в руках, рас-
трепанная, красная от солнца, и не знала, что сказать. Язык
прилип к небу, слова разбежались, в голове было пусто.

- Я... - выдавила наконец. – Спасибо. За то, что спасли
меня. Тогда, в поле. Я не успела сказать.

Он молчал. Секунду. Две. Три.

И вдруг в его глазах что-то мелькнуло. Совсем чуть-чуть,
на мгновение – будто тень от облака пробежала по воде. Теп-
ло? Узнавание? Или мне показалось?

- Не за что, - ответил он коротко. Голос низкий, глухова-
тый.

Он отвернулся и пошел в лес.

Я смотрела ему вслед, пока белая рубашка не скрылась за
деревьями. А потом до меня дошло.

Он ответил «не за что». Не «кто вы?», не «вы ошиблись»,
не «впервые вижу». Он не спросил, откуда я его знаю. Он
просто ответил.

Значит, помнит.

Значит, узнал.

Сердце мое вдруг сделал кульбит в груди, а потом заби-лось часто-часто, как птица, вырвавшаяся из клетки. По все-му телу разлилось тепло – такое сильное, что на миг стало жарко, несмотря на ледяную воду, в которой только что по-лоскала бинты.

Помнит!

Я вскочила с камня, едва не опрокинув таз с бинтами, и взгляделась в ту сторону, куда он ушел. Лес стоял тихий, зе-леный, только осины дрожали листвой на ветру. Его уже не было видно.

Я опустила обратно на камень, глядя на воду. Ручей журчал, переливался на солнце, и мне казалось, что даже во-да сегодня светился как-то особенно.

«Не за что»

Два слова. Холодных? Нет. Не холодных. Просто корот-ких. Коротко, сухо, по-военному.

Но он ответил. И он смотрел на меня.

Я прижала руки к груди, чувствуя, как колотится сердце.

Глупое, счастливое сердце.

Весь день потом я летала как на крыльях. Бинты стирала – улыбалась. Развешивала – улыбалась. Таскала воду, меняла повязки, кормила раненых – и все с этой дурацкой, счастливой улыбкой, которую никак не могла спрятать.

- Катька, ты чего сияешь? – подозрительно спросила Таня, когда мы встретились в коридоре. – Случилось что?

- Нет, - я мотнула головой. – Просто настроение хорошее. Весна.

Таня посмотрела на меня, прищурившись, но ничего не сказала. Только хмыкнула и пошла дальше.

А я думала о нем.

Я представила, как он шел сейчас через лес к своим, с гимнастеркой через плечо, и думал обо мне. Может, хоть краем мысли, но думал.

И от этого внутри все пело.

Вечером, когда стемнело, я вышла на крыльцо. Ночь была теплая, звездная, где-то далеко ухали разрывы – война не уходила ни на минуту. Но здесь, в этом маленьком уголке, было тихо.

Я смотрела на звезды и думала: а видит ли он сейчас это же небо? Стоит ли там, у себя в расположении, и тоже смотрит вверх?

Мы под одним небом. В одной войне.

Глава 9

Я проснулась от грохота.

Не от далеких разрывов, к которым уже привыкла и научилась спать, не от обычной утренней канонады, а от чего-то другого. Близкого. Очень близкого.

Земля вздрогнула.

Я села на носилках, еще не понимая спросонья, что происходит. В палате было темно, только серый предрассветный свет сочился сквозь щели. Раненые зашевелились, кто-то вскрикнул, кто-то застонал.

- Немцы! – заорал вдруг кто-то снаружи. – Немцы прорвали оборону!

И тут же началось.

Таня влетела в палату растрепанная, в одном халате на голое тело, с безумными глазами.

- Вставайте! Быстро! Эвакуация! – закричала она не своим голосом. – Катька, подъем! Помогай!

Я вскочила, на ходу натягивая гимнастерку, застегивая пуговицы дрожащими пальцами. В голове было пусто, только одна мысль билась: война пришла. Настоящая, вплотную.

Снаружи уже орали, бегали, тарахтел мотор грузовика. Где-то совсем близко рвануло – ближе, чем обычно, так что в палате посыпалась труха с потолка. Раненые заматались, кто мог – вставал, кто не мог – кричал от страха.

- Тяжелых грузим в первую очередь! – командовала военврач, та самая усталая женщина, что впервые меня осматривала. – Ходячие – сами, на подводах! Живо, живо!

Мы с Таней метались между носилками. Хватали раненых, тащили к выходу, грузили в кузов полуторки, которая уже стояла у входа с работающим мотором. Бойцы помогали – те, кто мог держаться на ногах, хватали своих товарищей, тащили, волокли, не обращая внимания на собственные раны.

- Осторожнее! – закричала я, когда двое чуть не уронили носилки с безногим парнем. - Держите!

Парень посмотрел на меня остановившимися глазами и молчал. Просто молчал, вцепившись в края носилок побе-

левшими пальцами.

Грохот нарастал. Стрельба была уже совсем близко, где-то за околицей деревни. Пули свистели над головой – уже не далекие, а настоящие, опасные.

- Быстрее! – орал кто-то. – Немцы в лесу!

Я схватила очередного раненого под руки, потащила к грузовику. Это был молоденький лейтенант, которого я выхаживала последнюю неделю – осколок в животе, едва выходили. Он был бледный, как смерть, но держался, стиснув зубы.

- Катя, - прохрипел он. – Я сам. Бегите, я сам.

- Молчи! – рявкнула я, взваливая его руку себе на плечо. – Держись!

Грузовик заполнялся с дикой скоростью. Раненые лежали в кузове вповалку, друг на друге, но никто не жаловался. Все понимали: если не уедем сейчас – останемся здесь навсегда.

- Третий грузовик готов? – крикнула военврач.

- Нет бензина! – донеслось в ответ. – Последнюю бочку в

первый залили!

- Черт! Черт! Черт!

Я оглянулась на госпиталь. Наша палатка, блиндажи, лазарет – все, что стало за это время почти домом, - оставалось там. Вокруг бегали люди, тащили ящики с медикаментами, бинты, инструменты. Кто-то уронил коробку с ампулами, и они разбивались со звоном, но никто не обращал внимания.

- Катя! – заорала Таня. - Помоги!

Я подбежала. Она пыталась поднять пожилого бойца, который сполз с носилок и лежал на земле, глядя в небо. Глаза его были открыты, но не двигались.

- Он мертв, - выдохнула я.

- Знаю! – Таня дернула меня за руку. - Оставь! Живых тащим!

И мы побежали дальше.

Взрывы становились ближе. Я уже видела всполохи за деревьями – там, где должна была быть третья рота. Где Саша, где Павел, где...

Где он.

Мысль обожгла, но я отогнала ее. Некогда. Потом. Все потом.

Последний грузовик тронулся, переполненный ранеными. Часть ходячих ушла пешком – в лес, в обход, под прикрытия деревьев. Мы с Таней остались. Военврач металась между кучей оставшегося имущества и дорогой, не зная, что хватать в первую очередь.

- Берите самое нужное! – кричала она. – Инструменты, морфий, бинты!

Я набивала вещмешок всем, что попадалось под руку. Пальцы не слушались, все валилось, но я продолжала.

И вдруг – тишина.

Стрельба стихла так же внезапно, как началась. Только где-то далеко еще ухало, но близко – ничего.

Мы замерли. Прислушались.

- Что это? – прошептала Таня.

- Не знаю, - также шепотом ответила я.

Из леса выбежал солдат, весь в грязи, с перекошенным лицом.

- Наши держат оборону! – закричал он. – Разведчики немцев встретили! Волошин с группой! Держат!

Волошин.

Сердце мое ухнуло вниз.

- Где? – спросила я, сама не зная зачем.

- Там! – махнул солдат в сторону леса. – У высотки! Но вы уходите! Быстро! Их мало, долго не продержатся!

Я посмотрела в ту сторону. Там, за деревьями, рвалось и стреляли.

- Катя! – Таня дернула меня за руку. - Пошли! Надо уходить!

Грохнуло совсем близко. Земля под ногами дрогнула. Где-то закричали.

- Грузовик последний уходит! – заорал кто-то.

Таня потащила меня к машине.

- Давай! – она посадила меня в грузовик, залезла сама.

Грузовик дернулся и поехал.

Я посмотрела назад, на удаляющийся лес, на дым, поднимающийся над деревьями, на всполохи выстрелов.

Грузовик трясло на ухабах, раненые стонали, кто-то плакал. Таня сидела рядом, прижимая к груди вещмешок с медикаментами, и смотрела перед собой остановившимся взглядом.

Я отвернулась от леса и закрыла глаза.

Грузовик увозил нас все дальше. А война оставалась там, позади, пожирая леса и людей.

Грузовик трясло уже третий час. Или четвертый – я потеряла счет времени. Дорога была разбита, нас кидало из стороны в сторону, раненые стонали при каждом особо сильном толчке. Я сидела, привалившись спиной к борту, и смотрела

на проплывающие мимо поля и перелески.

Таня дремала у меня на плече, иногда вздрагивая во сне. Лицо у нее было осунувшееся, под глазами залегли тени – мы не спали почти сутки.

А я думала о наших разведчиках, которые остались там, у высотки, чтобы задержать продвижение немцев.

- Тормозим! – крикнул кто-то.

Грузовик дернулся, закрипел тормозами и остановился.

Село. Большое и какое-то... мирное, что ли. Дома стояли вдоль пыльной дороги, деревянные, с резными наличниками, кое-где палисадники уже зеленели первой майской зеленью. Над крышами поднимался дымок – топили печь, хотя день был теплый. Где-то мычала корова, кричали петухи, и от этого было странно и немножко жутко – будто войны и не было вовсе. Но война была. Вокруг было полно военных – грузовики, повозки, солдаты, офицеры. Кто-то стоял группами, кто-то бежал, кто-то грузил ящики. Настоящий военный узел. Дорога была разбита гусеницами и колесами, в канаве дымила полевая кухня, пахло кашей и махоркой.

- Выгружаемся! – скомандовала военврач, спрыгивая на

землю. — Раненых — вон в тот сарай, временный лазарет. Остальные — ждать до распределения!

Мы с Таней спрыгнули следом, помогая сгружать раненых. Руки работали на автомате — поддерживать, тащить, укладывать на носилки, которые тут же подхватывали санитары из местных.

Ноги гудели, спина болела, есть хотелось зверски. Но в вещмешках у нас было только пара сухарей.

- Красиво тут, - сказала Таня, подходя ко мне. — Тишина. Пока.

- Пока, - согласилась я.

Через час, когда всех раненых разместили и пересчитали, военврач собрала нас у крыльца какого-то дома.

- Так, девочки. Нас определили в санчасть на окраине. Там сейчас формируют госпиталь для легкораненых и перевалочный пункт. Идем пешком, недалеко.

Мы шли по главной улице, провожаемые взглядами местных жителей. Бабы в платках, старики на завалинках, ребятишки, что глазели из-за заборов. Все смотрели с одинако-

вым выражением – усталым, настороженным, привыкшим к тому, что военные идут и идут через их село уже не первый год.

- Вон там, на окраине, - махнула рукой военврач. – Три дома отдали нам.

Мы свернули с главной улицы и пошли по тропинке вдоль огородов. Земля здесь была черная, жирная, уже вскопанная – видно, местные готовились сажать картошку. Пахло прелой листвой и молодой крапивой.

Дом, и правда, стоял на отшибе. Старый, но крепкий, с резными ставнями и высокой крышей, крытой почерневшей дранкой. Рядом – сарай, баня, погреб, небольшой огородик. За домом сразу начинался лес – сосновый, светлый, с редким подлеском.

- Располагайтесь. – Обратилась к нам с Таней военврач. – В этом доме будете жить вы вдвоем. Мой дом – по соседству. Остальные за мной. – И увела еще двух санитарок из нашего отряда.

Мы с Таней зашли во двор. Крыльцо скрипнуло под ногами, дверь в сени была открыта. Внутри пахло деревом, сухими травами и еще чем-то домашним, уютным.

Прошли в горницу. Большая комната с русской печью в углу, с широкими лавками вдоль стен и большим столом под окном. На окнах – занавесочки с вышивкой, на полу – домотканые половички. Видно, хозяева ушли недавно – может, в эвакуацию, может, к родственникам подальше от фронта.

- Смотри, - Таня показала на иконы в углу. – Божничка. Хороший дом.

Я подошла к окну. Вид отсюда открывался на лес и на край села – виднелись крыши других домов, огороды, а дальше, за полями, темнела полоска леса. Небо было высокое, синее, с редкими облаками.

- Красиво, - сказала я. – Даже не верится, что война.

- Война, Катя, она всегда рядом, - вздохнула Таня. – Но пока тихо – надо отдыхать. Пойдем, посмотрим, где спать будем.

Мы разобрали свои вещи – те жалкие пожитки, что успели захватить.

- Пойдем, воды принесем, - предложила Таня. – Тут во дворе колодец должен быть.

Колодец, и правда, нашелся – старый, срубовый, с длинным шестом-журавлем.

Таня ловко набрала воды, мы умылись прямо во дворе, подставив лицо теплему майскому солнцу. Вода была холодная, обжигала кожу, но после тряски в грузовике это было лучше всякого лекарства.

- Хорошо-то как, - протянула Таня, вытираясь подолом. – Тишина. Птицы поют. Прямо как в раю перед войной.

Я кивнула, слушая, как где-то в лесу кукует кукушка. Счет ведет – сколько нам осталось? Глупые приметы.

Мы вернулись в дом, сели на крыльце, греясь на солнышке. Таня достала остатки сухарей, мы разломили их и жевали молча, глядя на лес.

- Как думаешь, - спросила я. – Долго мы здесь простоим?

- А кто ж знает, - пожала плечами Таня. – Может, день, может, месяц. Фронт – он как зверь, то накатывает, то откатывает. Сейчас вроде затишье, но надолго ли?

Мы сидели на крыльце, слушали птиц и ждали. Ждали,

когда придет военврач, когда начнется работа, когда война снова ворвется в эту тишину.

А пока была тишина. И майское солнце. И лес за огоро- дом.

- Пойдем в дом, - сказала я, поднимаясь. – Надо хоть при- брать, пока время есть.

Мы зашли в дом. Нашли старый веник, смели пыль с по- лов. Таня нашла в сенях ведро картошки – видно, хозяева оставили, может, для таких как мы.

Обрадовалась:

- Катька, картошка! Будем вечером печь!

Я улыбнулась. Мелочь, а как греет душу.

К вечеру, когда солнце начало клониться к закату, в дом заглянула военврач.

- Так, девочки. Раненых привезут завтра утром. Пока от- дышайте, набирайтесь сил. Я в соседнем доме, если что – зо- вите.

Она ушла, а мы с Таней затопили печку, закопали картош-

ку в золу и сидели у огня, глядя на пляшущие языки пламени.

Мы сидели так у печки до темноты, потом вытащили картошку, посыпали солью – Таня где-то нашла щепотку – и ели, обжигаясь, прямо руками. Пальцы пахли дымом, картошка таяла во рту, и было уютно, несмотря ни на что.

- Завтра работа, - зевнула Таня. – Давай спать.

Мы забрались на одну единственную кровать в доме, укрылись шинелями. За окном шумел лес, где-то далеко ухало. Я закрыла глаза и тотчас уснула.

Глава 10

Мы обживались в своем новом доме как могли. За первую неделю он из чужого, незнакомого превратился в наше временное пристанище.

Дров оказался большим, заросшим травой, с покосившимся сараем и старой баней у самого леса. Баня – отдельная радость. Почти целая, с печкой-каменкой и предбанником, где можно было раздеваться. Таня сразу загорелась:

- Катька, баню топить будем! Обязательно! Я без бани уже месяц, сил нет!

Я только улыбнулась. Я не помнила, любила ли баню раньше, но Таня говорила с таким жаром, что я заразилась ее энтузиазмом.

Печь в доме оказалась старой, русской, с лежанкой. Ее топила Таня, а я таскала дрова из сарая – сухие, березовые, пахнущие смолой.

- Хорошо, - выдохнула Таня. – Как дома.

Я кивнула, хотя не знала, что такое «дома». Но здесь, у огня, с Таней рядом, было тепло и уютно. Наверное, это и есть дом.

Еду готовили тут же, в печи. Варили картошку, если была, пшено, если давали на довольствии. Иногда местные бабы приносили молоко. Женщины здесь, в селе, смотрели на нас

с жалостью – молодые, на войне, без мужиков, - и подкармливали кто чем мог.

На третий день Таня полезла в старый сундук, что стоял в сенях. Я думала, там пусто, но нет – сундук оказался полон добра.

- Катька! – закричала Таня оттуда. – Иди сюда! Тут одежда!

Я прибежала. Таня уже вытаскивала на свет божий платья, юбки, кофты – все старое, ношеное, но чистое, видно, что хозяйка берегла.

- Смотри! – Таня разворачивала одно за другим. – Вот это тебе подойдет! И это!

Мы как дети копались в сундуке, перебирая тряпки. Таня нашла себе теплую кофту и юбку темно-синюю, почти новую. А мне досталось легкое ситцевое платье в мелкий цветочек – совсем не такое, как то, в котором я очнулась, но похожее.

Я надела то платье в тот же вечер. Ситцевое, легкое, с вышивкой на вороте. Таня оглядела меня и присвистнула.

- Красивая ты, Катька. Прямо девушка с картинки. Чего в форме ходишь – дуреешь только. Выходной же сегодня.

Выходной. Смешное слово. Здесь не было выходных, но сегодня нам дали отдохнуть – раненых не вели, затишье.

Я покрутилась перед маленьким осколком зеркала, что мы нашли в том же сундуке. На меня смотрела незнакомка в ситцевом платье – русые волосы, серо-зеленые глаза, блед-

ное лицо. Кто ты? Но платье сидело хорошо, и от этого почему-то было спокойно на душе.

Следующий день начался с вой сирены.

Мы подскочили чуть свет – уже привыкли, что война не спрашивает, выходной у тебя или нет. Раненых привезли под утро – целый обоз, человек тридцать. Легкие, тяжелые, стоны, кровь, крики.

И началось.

Мы с Таней бегали как заведенные с рассвета дотемна. Меняли повязки, ставили уколы, поили, кормили, успокаивали. Руки работали на автомате – голова отключалась, только глаза смотрели, только руки делали.

Днем мы в госпитале. Ночью – дома.

Иногда нас ставили в ночную смену. Тогда мы оставались в санчасти, дежурили у тяжелых, меняли капельницы, давали воду, сидели с теми, кто не спал до боли. Ночью госпиталь звучал иначе – тише, но страшнее. Стоны, бред, иногда крики. И темнота, в которой каждый звук отдается эхом.

В одну из таких ночей я сидела у постели молодого лейтенанта – осколок в груди, дышать тяжело, каждый вздох дается с хрипом. Он метался, звал кого-то – мать, девушку, может. Я держала его за руку, гладила по голове, шептала что-то глупое, успокаивающее.

- Не уходи, - прошептал он вдруг, глядя на меня мутными глазами. – Побудь со мной.

- Я здесь, - ответила я. – Я никуда не уйду.

Он уснул под утро. А я сидела и смотрела, как светлеет небо за окном, как розовеют облака, как просыпается новый день.

Таня нашла меня там.

- Кать, иди поспи хоть час. Я подежурю.

Я покачала головой.

- Не хочу.

- Упрямая, - вздохнула она. – Ну, как знаешь.

Она ушла, а я осталась. Смотрела на спящего лейтенанта, на других раненых, на медленный рассвет.

И вдруг поймала себя на мысли, что здесь, в этом аду, я чувствую себя на месте. Нужной. Живой.

Как будто это и есть моя настоящая жизнь.

Кем бы я ни была раньше, сейчас я – Катя, санитарка. И это единственное, что имеет значение.

Домой мы возвращались, когда солнце уже поднималось высоко. Шли через село усталые, молчаливые, грязные. Таня зевала, я еле передвигала ноги.

Дома ждала холодная печь и вчерашняя картошка. Таня растапливала печь, я грела воду, мы умывались, переодевались в то самое ситцевое платье и падали на кровать.

Спать.

До вечера. До новой смены. До новой работы.

Так и текла наша жизнь – день за днем, ночь за ночью. Работа, дом, сон, снова работа. Иногда мы топили баню – это был праздник. Иногда ходили к местным за молоком. Иногда

просто сидели на крыльце и смотрели на лес.

Глава 11

День выдался тяжелый. С утра привезли партию раненых – человек двадцать, все с той стороны, где вчера было особенно жарко. Мы с Таней вымотались так, что к вечеру еле ноги волочили.

- Кать, - сказала Таня, когда мы вышли из санчасти. – Сходим в сельпо? Говорят, там крупу дают по карточкам. А у нас совсем шаром покати.

Я кивнула. Картошка в подполе заканчивалась, а кормиться как-то надо.

Село жило своей жизнью – военной, суетливой, но все же жизнью. По главной улице сновали грузовики, ходили солдаты, местные бабы тащили ведра с водой. Где-то играла гармонь, где-то плакал ребенок.

Мы шли не спеша, наслаждаясь тем, что не надо никуда бежать. Таня рассказывала про свою деревню, про сестру, про то, как они в детстве в лес по грибы ходили. Я слушала вполуха, разглядывая дома.

И вдруг – знакомый голос.

- Катя! Таня!

Я обернулась. От крыльца одного из домов нам махал Саша. Лейтенант Соколов. Живой, но... раненый.

Правая рука у него была на перевязи, висела на бинтах,

примотанная к груди. Гимнастерка расстегнута, под ней белые бинты. Лицо бледное, усталое, но улыбка – та же, широкая, мальчишеская.

- Саша! – Таня рванула к нему. – Ты чего? Ранен? Когда? Как?

Я пошла следом, стараясь, чтобы лицо ничего не выражало. Сердце почему-то забилося чаще.

- А, ерунда, - Саша махнул левой рукой, здоровой. – Осколком царапнуло, когда из разведки возвращались. Пустилки, заживет.

Таня уже хлопотала вокруг него, разглядывала повязку, цокала языком.

- А перевязали как? Кто? В госпитале? Давно?

- Вчера, в медсанбате. Нормально перевязали, не суетись, - Саша отстранился от нее, но добродушно. – Вы лучше рассказывайте, как сами? Где устроились?

- На окраине, в доме, - ответила Таня. – Сейчас вот в сельпо идем, крупы искать.

- А, - Саша кивнул. – Ну, я вас провожу. Мне все равно тут рядом.

Мы пошли втроем. Саша рассказывал, как их часть перебросили сюда, в село, на переформирование. Как они вчера ходили в разведку и напоролись на немцев. Как он получил эту царапину.

Я слушала и ждала. Ждала одного имени.

- А остальные как? – спросила Таня, будто прочитав мои

мысли. – Ваши все живы?

- Живы, - кивнул Саша. – Пашка вон в штабе торчит, бумажки пишет, злой как черт. А Волошин... - он запнулся, и у меня внутри все оборвалось. – Волошин здесь, в селе. Тоже легко раненый, но от госпиталя отказался. Сам перевязался. Упрямый, как танк.

Я выдохнула. Незаметно, стараясь, чтобы никто не увидел. Но внутри вдруг разлилось тепло – яркое, горячее, обжигающее.

Жив. Он жив. И здесь. В этом же селе.

- А чего не в госпитале? - спросила Таня. – У нас в санчасти места есть, мы бы...

- Не пойдет, - перебил Саша. – Он вообще терпеть не может госпиталя. Говорит, там только умирать и лежать. А у него работа.

- Работа, - повторила Таня с усмешкой. – С такой работой и без рук можно остаться.

Они еще о чем-то говорили, но я уже не слушала. Я смотрела на дома, мимо которых мы проходили, и думала: в каком из них он? Где-то здесь, совсем рядом. Может, вон в том, с синими ставнями? Или в том, у самого леса?

- Кать, ты чего молчишь? – спросил вдруг Саша, поворачиваясь ко мне.

Я вздрогнула.

- Устала, - ответила я. – День тяжелый был.

- А, ну да, - он понимающе кивнул. – Вы там, в санчасти,

тоже герои. Без вас бы мы все...

Он махнул рукой, не договорив.

Мы дошли до селпо – маленького деревянного домика с вывеской, едва держащейся на одном гвозде. Очередь была приличная, но Саша, как местная знаменитость, прошел без очереди, и нам с Таней перепало по горсти пшена и даже немного масла.

- Спасибо, Саш, - Таня сияла. – Ты настоящий друг.

- Да ладно, - отмахнулся он. – Вы если что, заходите. Я вон в том доме, с красной крышей. Там нас трое, Волошин тоже там, но он редко бывает, все по делам.

Я замерла. Красная крыша. Вон там, через два дома. Значит, он там.

- Ну, нам пора, - сказала Таня, дергая меня за рукав. – А то стемнеет, а у нас еще печь нетопленная.

- Бывайте, девчата, - Саша коснулся пилотки здоровой рукой. – Заходите, если что.

Мы пошли обратно. Таня болтала о том, какое пшено хорошее, как хорошо, что Саша живой, как повезло, что встретили. А я молчала и смотрела под ноги.

Красная крыша. Там. Рядом.

- Ты чего притихла? – спросила Таня, когда мы уже подходили к своему дому. – Устала совсем?

- Ага, - ответила я. – Пойду прилягу.

- Давай, я печь затоплю, а ты отдыхай.

Я зашла в дом, рухнула на кровать и закрыла глаза. И толь-

ко тогда позволила себе улыбнуться.

Жив. Он жив.

Я лежала в темноте, слушала, как Таня возится с печью, и чувствовала, как сердце колотится где-то в горле. Глупая. До чего же глупая. Радоваться тому, что человек просто жив. Что он где-то рядом. Что можно случайно выйти на улицу и увидеть его.

Или не случайно.

Красная крыша. Я запомнила.

Но ничего не скажу Тане. Ни за что. Пусть думает, что я просто устала.

Я перевернулась на другой бок и прикрыла глаза. Тепло от печки уже разливалось по комнате, пахло дымом и уютом.

Глава 12

Я полежала немного, прислушиваясь к себе. Сердце понемногу успокоилось, дыхание становилось ровнее.

- Кать, ты как? – крикнула Таня из горницы. – Я печь затопила, сейчас жарко будет.

- Иду, - отозвалась я и встала.

В доме уже было тепло, печь весело потрескивала дровами. Таня возилась у стола, раскладывая наше богатство – горсть пшена, кусочек масла, картошку.

- Давай помогу, - сказала я, подходя.

Мы засуетились вдвоем. Таня чистила картошку, я промывала пшено. Руки делали привычное дело, а мысли были далеко – там, у красной крыши.

- Слышь, Кать, - вдруг сказала Таня. – А давай сегодня у окна поужинаем? Тепло же, ветерок, лягушки квакают. Красота!

Я улыбнулась.

- Давай.

Мы накрыли на стол – постелили чистую тряпицу, которую нашли в сундуке, поставили две миски, разложили ложки. Картошка варилась в чугушке, пшено булькало в маленьком котелке. Пахло едой, теплом, домом.

Таня распахнула окно настежь. В комнату ворвался вечерний воздух – теплый, пахнувший травой и речной водой. Где-то совсем рядом, за огородами, и правда квакали лягушки – дружно, наперебой, как в мирной жизни.

Мы сели за стол. Солнце уже село, но небо еще светилось мягким оранжевым светом, переходящим в сиреневый у горизонта. Ветерок шевелил занавески, приносил прохладу и звуки – лягушек, далекие голоса, где-то смеялась девушка, где-то играла гармонь.

- Красота-то какая, - выдохнула Таня, глядя в окно. – Прямо как до войны.

Я кивнула, помешивая кашу.

Мы ели молча, смакуя каждый кусок. Картошка рассыпа-

лась, пшено было вкусным – с маслом, горячее. После госпитальной баланды это казалось пиршеством.

- Кать, - сказала Таня, откладывая ложку. – А тебе не хочется? Ну, любви?

Я чуть не поперхнулась.

- Чего?

- Люби, - повторила она мечтательно. – Чтобы мужчина рядом был. Сильный, красивый. Чтобы обнял, прижал, сказал что-нибудь ласковое. А?

Я замерла с ложкой в руке.

- Тань, ну что ты...

- А что? – она вздохнула, глядя в окно. – Я вот думаю часто. Дома, до войны, у меня парень был. Колька. Красивый, веселый, на гармони играл. Мы с ним по вечерам гуляли, в кино ходили, целовались в парке. А потом он ушел на фронт, и все. Письма писал сначала, а потом перестал. Может, убило, может, разлюбил. Не знаю.

Она замолчала. Ветерок шевелил ее волосы, выбившиеся

из-под косынки.

- А ты? – спросила она, поворачиваясь ко мне. – Было у тебя что-то? Ах, да, ты же не помнишь...

Я покачала головой.

- Не помню.

- А чувствуешь? – не отставала Таня. – Ну, сердцем? Хочется?

Я задумалась. Хочется ли? До сегодняшнего дня я как-то не думала об этом. Работа, война, выживание. А сегодня, когда узнала, что он жив...

- Наверное, хочется, - ответила я осторожно. – Только некогда.

- А когда будет некогда? – Таня усмехнулась. – Завтра война кончится? Или послезавтра? Катя, мы тут каждый день под смертью ходим. А любовь – она одна. Не успеть – и все.

Я молчала, глядя в окно. Там уже совсем стемнело, только звезды зажигались одна за другой. Лягушки квакали, где-то вдалеке слышалась песня – тягучая, грустная, солдатская.

- Ты вон на Сашку посмотри, - продолжала Таня. – Хороший парень, веселый, раненый сейчас. А у него никого. Все

одна война. Или на Волошина... - она запнулась, покосилась на меня.

Я сделала вид, что ем, опустив глаза.

- Волошин, - повторила Таня задумчиво. – Красивый, конечно, как икона. Но холодный, как лед. И Наташка эта при нем... Хотя кто их разберет, что у них там. Может, и нет ничего.

- Может, - ответила я как можно равнодушнее.

Таня вздохнула.

- Эх, Катька, дуры мы бабы. Война, смерть кругом, а мы о любви думаем. А без любви нельзя. Совсем нельзя. Потому что если без любви, то и жить незачем.

Я подняла на нее глаза. В полумраке ее лицо казалось совсем юным, почти детским.

- Ты права, - тихо сказала я. – Без любви нельзя.

Мы сидели у окна, пили кипяток – чай давно кончился – и слушали ночь. Теплый ветер приносил запахи травы, реки, далекого дыма. Где-то за селом ухало – война не уходила, но

здесь, в этой комнате, казалось, что ее нет.

- А знаешь, - мечтательно сказала Таня. – Я иногда представляю, как война кончится. Как мы все домой вернемся. Как заживем по-человечески. Замуж выйдем, детей нарожаем, сад посадим...

- А ты где жила до войны? – спросила я.

- Под Смоленском, в деревне. Дом у нас большой был, с яблоневым садом. Мама, папа, сестра. Яблоки каждый год – варенье варили, компоты... - она вздохнула. – Не знаю, цел ли дом. Немцы там были. Может, сожгли.

- Может, цел, - сказала я. – Может, вернешься.

- А ты? – спросила Таня. – Ты куда вернешься, когда память найдешь?

Я задумалась.

- Не знаю. Может, и некуда возвращаться.

- Ну и оставайся с нами, - просто сказала Таня. – Мы тебя не бросим.

У меня защипало в глазах. Хорошая она, Таня. Самая лучшая.

За окном совсем стемнело, только звезды горели ярко-ярко. Мы сидели еще долго, болтали о всякой ерунде, мечтали о будущем, которого может и не быть. Но в тот вечер это было не важно.

Важно было то, что мы вместе. Что за окном – лето, тепло, лягушки квакают. Что где-то там, в доме с красной крышей, жив тот, о ком я боюсь даже думать вслух.

- Пойдем спать, - зевнула Таня. – Завтра опять раненых привезут, небось.

Мы убрали со стола, загасили свечу и пошли спать.

В окно лился лунный свет, пахло ночной прохладой. Лягушки все еще квакали, и где-то далеко пел соловей.

- Кать, - шепнула Таня в темноте. – А ты веришь в любовь с первого взгляда?

Я замерла.

- Не знаю, - ответила я тихо. – А ты?

- Верю, - сказала она. – Спокойной ночи.

- Спокойной ночи.

Я лежала и смотрела в потолок. Любовь с первого взгляда. Или со второго? Или когда человек прикрывает тебя собой под пулями?

Я улыбнулась в темноте, повернулась на бок и уснула под кваканье лягушек и тихий шепот ночного ветра.

Глава 13

Утро выдалось суматошным. Раненых привезли еще затемно, и мы с Таней влетели в санчасть, едва успев перекусить сухарем. Работы было – не продохнуть.

Я носилась между койками, меняла повязки, поила водой, поправляла подушки. Говорила, говорила, говорила – без остановки. Кому-то шептала ободряющее, кому-то шутила, кого-то просто гладила по руке. Здесь, в этом аду, словно значило не меньше, чем лекарство.

- Сестричка, а поправь подушку, - попросил пожилой боец с перевязанной головой.

- Сейчас, миленький, сейчас, - я взбивала тощую подушку, улыбаясь. – Вот так. Легче?

- Легче, - кивал он и закрывал глаза.

Молоденький лейтенант, у которого осколком задело ногу, все пытался шутить, хотя видно, что больно до чертиков.

- Сестра, а вы замужем? Он спрашивал он, кривясь от боли.

- За войной замужем, - отвечала я, ловко меняя повязку.
- А вы лежите смирно, не дергайтесь.

Он вздыхал и замолкал.

Я отходила к следующему. Так и текла работа – от койки к койке, от раны к ране, от улыбки к улыбке.

К обеду я выбралась на крыльцо – размять спину, глотнуть воздуха. Таня курила, прислонившись к перилам.

- Умоталась? – спросила она.

- Есть немного, - призналась я.

- Ничего, до вечера дотянем. Там, говорят, еще подвезут, но немного.

Я кивнула, глядя на небо. День был солнечный, теплый, совсем не военный. Ласточки носились над крышами, где-то мычала корова. Мирная жизнь, которая шла параллельно войне.

- Пойду я, - сказала я. – Бинты надо перекрутить, стиральные уже высохли.

Я вернулась в санчасть, прошла в подсобку – маленькую комнату, заваленную бинтами, марлей, инструментами. Здесь было тихо, пахло карболкой и сухой тканью.

Я взялась за работу. Крутила бинты, укладывала их стопками, думала о своем. О том, кто я такая. Пыталась вспомнить хоть что-то. Но в голове было пусто и глухо.

Шуршание бинтов успокаивало. Руки делали привычное дело, голова отдыхала.

Шорох шагов за спиной.

- Девушка, - раздался низкий, глуховатый голос. – Чистые бинты есть?

Я даже не обернулась сразу. Просто потянулась к стопке, взяла несколько, протянула назад.

- Возьмите, - сказала я, все еще глядя перед собой.

И обернулась.

Старший лейтенант. Волошин.

Он стоял в дверях подсобки, заполняя собой весь проем. Гимнастерка расстегнута, под ней – белая рубашка, кое-где проступила розовым. Лицо бледное, под глазами тени, скулы заострились. Но глаза – те же. Изумрудные, с темными крапинками, смотрят на меня в упор.

У меня внутри все оборвалось. Сердце подпрыгнуло к горлу, потом рухнуло вниз, потом забилось где-то в висках. Рук дрогнули, бинты чуть не выпали.

Но я взяла себя в руки. Сжала зубы, заставила лицо оставаться спокойным. Только щеки, кажется, предательски вспыхнули.

- Здравствуйте, - сказала я ровно, насколько могла. – Вот бинты.

Он взял их, кивнул. Секунду помедлил, будто хотел что-то добавить, но промолчал. Уже повернулся уходить.

- Подождите, - вырвалось у меня.

Он обернулся.

Я смотрела на его спину. Там, на гимнастерке, чуть пониже лопатки, проступило мокрое пятно. Свежее.

- У вас кровь, - сказала я. – Рана разошлась. Давайте перевяжу.

Он замер. Секунду смотрел на меня – долгим, изучающим взглядом. Я выдержала его, хотя внутри все дрожало.

- Хорошо, - сказал он коротко.

Я повела его в перевязочную – маленькую комнату со столом, кушеткой, парой табуретов. Здесь пахло йодом и чистотой.

- Садитесь, - кивнула я на табурет. – Снимайте гимнастерку.

Он сел. Медленно, осторожно расстегнул оставшиеся пуговицы, стянул гимнастерку с плеч. Под ней – рубашка, белая, но вся в розовых пятнах. Он стянул и ее.

Я замерла на секунду.

Его спина... На ней не было живого места. Несколько свежих ран – рваных, с запекшейся кровью, - и старые шрамы, рубцы, следы от осколков и пуль. Много. Очень много.

Я сглотнула. Руки дрогнули, но я заставила их успокоить-

ся.

- Больно? – спросила я, подходя ближе.

- Терпимо, - ответил он, не оборачиваясь.

Я начала работать. Осторожно сняла старую повязку – она присохла к ране, пришлось отмачивать. Он сидел неподвижно, даже не вздрагивал, только желваки на скулах ходили.

- Откуда столько? – спросила я тихо, обрабатывая рану.

- Война, - коротко ответил он.

Я промолчала. Смазала рану, наложила свежую повязку, закрепила бинтами. Пальцы мои касались его кожи – горячей, сухой. От этого касания по всему телу разбегались мурашки, но я старалась не думать об этом.

Работа. Просто работа.

- Готово, - сказала я, закрепляя последний узел. – Старайтесь не напрягать спину. Хотя бы пару дней.

Он повернулся. Надел рубашку, гимнастерку. Застегнул пуговицы – медленно, осторожно. Потом поднял на меня

глаза.

- Спасибо, - сказал сухо.

Я растерялась.

- Берегите себя.

Он кивнул. Секунду помедлил, глядя на меня. В его глазах мелькнуло что-то. Но он ничего не сказал.

Встал и вышел.

Я оставалась стоять посреди перевязочной. Смотрела на дверь, за которой он только что скрылся. Сжимала в руках окровавленные бинты, которые сняла с его раны.

Сердце колотилось так, что, казалось, выпрыгнет из груди.

Я села на табурет. Положила руки на стол, уткнулась в них лбом. Глубоко вздохнула. Еще раз. Еще.

- Приведи себя в порядок, Катя. Это просто работа. Ты просто перевязала раненого. Их тут сотни.

Но это был не просто раненый. Это был он.

Я подняла голову, посмотрела на свои руки. На них была его кровь. Я медленно вымыла руки, глядя, как розовая вода утекает в таз.

Потом собрала грязные бинты, выбросила в ведро. Прибрала на столе. Привела перевязочную в порядок.

Спокойно. Все спокойно.

Вышла в палату. Таня металась между койками, что-то рассказывала, смеялась. Увидела меня, махнула рукой:

- Катька, помоги! Тут дядя Петя пить просит, а у меня руки заняты!

Я подошла, подала воды, улыбнулась дяде Пете. Потом занялась другими ранеными. Говорила с ними, шутила, успокаивала.

Никто не заметил, что у меня дрожат руки. Что я то и дело смотрю на дверь. Что сердце до сих пор колотится где-то в горле.

Таня ни о чем не спрашивала. А я ничего не рассказывала.

Вечером, когда мы вернулись домой, я долго сидела на

крыльце, глядя на звезды. Таня возилась в доме, топила печь, гремела посудой.

Я прижала руки к груди. Сердце все еще не успокоилось.

Глупая. До чего же глупая.

Но ничего не могу с собой поделать.

Я вздохнула, поднялась и пошла в дом помогать Тане.

Глава 14

Мне снилось что-то теплое и спокойное. Кажется, луг, солнце, я бегу босиком по траве – и вдруг...

- Катька! Вставай!

Я подскочила на кровати, едва не слетев на пол. В дверях стояла Таня – раскрасневшаяся, запыхавшаяся, с глазами, горящими как у бешеной кошки.

- Ты чего? – прохрипела я спросонья. – Немцы?

- Какие немцы! – Таня подлетела ко мне и затрясла за плечи. - Концерт! Сегодня вечером концерт будет! В клубе, настоящий, с артистами! Я только что от сельсовета бежала, там афиша висит!

Я моргнула, протирая глаза. За окном было еще светло, вечер только начинается.

- Концерт? – переспросила я.

- Ну да! – Таня уже носилась по комнате, собирая какие-то тряпки. – Артисты приехали, с самой фронтовой бригадой! Петь будут, танцевать! Вставай, вставай, нам еще баню топить!

Я села, пытаюсь осмыслить услышанное. Концерт.

- А когда? – спросила я.

- В восемь вечера! – Таня уже вытаскивала из-под лавки таз. – Давай шевелись! Нам еще баню истопить, помыться,

принарядиться – как на праздник!

Я встала, чувствуя, как внутри разливается тепло, тревожное волнение.

Баню топили вдвоем. Таня командовала, я таскала воду из колодца. Дрова в печке-каменке весело трещали, дым поднимался к вечернему небу. Пахло березовым веником – Таня где-то раздобыла, у местных выменяли на последние сухари.

- Эх, хорошо! – приговаривала она, подбрасывая дрова. – Как в мирной жизни!

Я только улыбалась.

Когда баня готова была, мы зашли в предбанник. Таня уже притащила из сундука все самое красивое – платья, кофты, юбки. Разложила на лавке, любовно разглаживая складки.

- Вот это тебе, - она протянула мне то самое ситцевое платье в мелкий цветочек, что я уже надевала. – А это мне, - прижала к себе легкую кофточку с кружевами и темную юбку.

Мы мылись долго, с наслаждением. Горячая вода, пар, запах веника – после недель в госпитале это было настоящим блаженством. Я терла кожу до красноты, смывая с себя запах карболки, и казалось, что вместе с грязью уходит и усталость.

- Волосы, волосы помой! – командовала Таня. – Чтобы блестели!

Я послушно намылила голову, смывала, намыливала снова.

Когда мы вышли из бани, мир казался другим. Чистым,

свежим, обновленным. Солнце уже садилось, заливая все вокруг оранжевым светом. Пахло нагретой за день травой и речной водой.

В доме мы наряжались. Таня крутилась перед осколком зеркала, примеряя кофточку, поправляя юбку, завязывая платочек то так, то этак.

- Кать, ну как?

- Красиво, - честно отвечала я.

Я надела свое ситцевое платье. Оно было легкое, летнее, с вышивкой на вороте и пышной юбкой ниже колена. Таня оглядела меня и ахнула:

- Катька! Ты прямо картинка! Волосы распусти – еще красивее будет!

распустила волосы. Они легли на плечи мягкими волнами, чуть выющиеся после бани.

- Глаза у тебя... - Таня заглянула мне в лицо. – Как озеро в пасмурный дом. Серо-зеленый. Красиво.

Я улыбнулась, поправила платье.

- Идем?

- Идем!

Клуб был в центре села – старый деревянный дом с высокими окнами и крыльцом, на котором уже толпился народ. Внутри горел свет, слышалась музыка, смех.

Мы вошли.

Внутри было тесно, душно и радостно. Сколоченная из досок сцена, обтянутая красной материей, рядами стояли

стулья, скамейки, а кто не помещался – стоял вдоль стен. Солдаты, местные жители, раненые на костылях, девчата в цветастых платках – все перемешалось в единую толпу.

Пахло махоркой, духами, нагретым деревом и праздником.

- Сюда! Сюда! – Таня тащила меня поближе. – Вон там место!

Мы пристроились сбоку, у стены, откуда было видно почти всю сцену. Я огляделась. Много знакомых лиц – раненые из нашего госпиталя, местные бабы, солдаты.

На сцену вышли артисты – женщина в красивом платье и парень в косоворотке, с гармонью. Они запели «Катюшу».

Зал подхватил. Таня рядом запела, зажмурившись от удовольствия. Я подпевала тихонько, чувствуя, как на душе становится тепло и щемяще.

Потом были «Огонек», «Синий платочек», «Землянка». Пели про любовь, про разлуку, про надежду. Женщины в зале плакали, вытирая слезы платочками. Солдаты хмурились, глядя в одну точку. Каждый думал о своем.

- А сейчас, - объявила девушка в сарафане, - для вас поет...

И вдруг Таня толкнула меня в бок.

- Кать, глянь, - шепнула она, кивая куда-то в толпу. – Вон Наташа стоит. Красивая, да?

Я перевела взгляд.

Она стояла у противоположной стены, в кружеве света от

керосиновой лампы. Высокая, статная, в аккуратной гимнастерке, которая сидела на ней как влитая. Русые волосы убраны под пилотку, но несколько прядей выбились и мягко обрамляли лицо.

Лицо... Я смотрела и не могла отвести взгляд. Оно было красивым той особой, спокойной красотой, от которой невозможно оторваться. Правильные черты, чистая кожа, губы – неяркие, но такие... живые. И глаза. Голубые, как васильки в поле, большие, с длинными ресницами, они смотрели на сцену с легкой задумчивой улыбкой.

Она слушала песню, чуть склонив голову, и вся ее фигура дышала каким-то спокойным достоинством.

- Красивая, - выдохнула я.

- Ага, - кивнула Таня, - Ну, точно у них с Волошиным роман. Только никто их вместе не видел.

Я промолчала. Смотрела на Наташу и чувствовала тихое, спокойное признание: да, она красивая. Достойная его.

Я отвернулась, снова уставившись на сцену. Артисты пели что-то веселое, зал хлопал, смеялся.

Потом мой взгляд вновь прошелся по залу, и сердце мое пропустило удар.

Волошин.

Он стоял у противоположной стены, в тени. В форме, подтянутый, с пилоткой в руке. Рядом с ним – незнакомый майор, пожилой, с усами. Они о чем-то говорили, не глядя по сторонам.

Я замерла.

Он был бледен – раны давали о себе знать. Он стоял прямо, не сутулился, хотя я знала, как болит его спина. Говорил с майором спокойно, сдержанно, изредка кивая.

И вдруг он поднял голову и посмотрел прямо на меня.

Наши взгляды встретились.

Зеленые глаза смотрели пристально – из-под темных бровей, с каким-то странным выражением.

Сердце мое подпрыгнуло и забилося чаще. Щеки вспыхнули жаром. Я не выдержала – отвела взгляд первая, уставилась куда-то в сторону сцены, делая вид, что очень заинтересована выступлением.

- Кать, ты чего покраснела? – спросила Таня, дергая меня за рукав.

- Жарко, - ответила я. – Душно очень.

Она хмыкнула, но ничего не сказала.

Я украдкой вновь взглянула на него. Волошин стоял, скрестив руки на груди, и слушал. Лицо непроницаемое, как маска. Только иногда чуть прикрывал глаза – может, от удовольствия, может, от усталости.

Майор что-то говорил ему, наклоняясь к уху, но он только кивал.

Песни лились одна за другой. Я слушала вполуха, все время возвращаясь взглядом к нему.

И вот, наши взгляды снова встретились – коротко, на секунду. И я снова не выдержала, отвела.

Глупая. Чего я боюсь? Чего смущаюсь?

Сама не знаю.

Концерт кончился поздно. Артисты кланялись, зал гремел аплодисментами. Люди потянулись к выходу.

- Пойдем, Кать, - потянула меня Таня. — А то затопчут.

Мы вышли на крыльцо. Ночь была теплая, звездная, пахло сиренью и нагретой пылью. Народ расходился, смеялся, обсуждал концерт.

Я стояла на крыльце, глубоко дышала, пытаюсь успокоить сердце.

И вдруг увидела их.

Она вышла из клуба почти сразу за нами. Наташа.

Она огляделась, увидела его и направилась прямо к нему.

Волошин стоял чуть поодаль, один – майор уже ушел. Курил, глядя куда-то в темноту.

- Старший лейтенант, - услышала я ее голос, звонкий, мелодичный.

Он повернул голову, посмотрел на нее.

- Вы не могли бы проводить меня до дома? Темно уже, одной как-то...

Секунду помедлил.

- Пойдем, - ответил коротко.

И они пошли. Вдвоем, рядом, молча. Он чуть сзади, она рядом. Скрылись за углом, потом за домами, растворились в темноте.

Я смотрела им вслед, и внутри что-то оборвалось. То теп-

ло, что разлилось по телу от его взгляда, вдруг схлынуло, оставив холод и пустоту.

- Кать, ты чего застыла? – Таня уже спустилась с крыльца и обернулась ко мне. – Идем!

- Иду, - ответила я и пошла за ней.

Мы шли через село. Ночь была прекрасна – звезды, тишина, запах цветущих садов. Лягушки квакали в пруду, где-то пел соловей.

- Хорошо-то как, - мечтательно говорила Таня. – Прямо как в раю. А ты видела, какие артисты красивые? А пели как!

Я молчала, глядя под ноги.

- Кать, ты чего притихла?

- Устала, - ответила я. – День длинный был.

- Ага, - согласилась она. – Зато какой!

Мы подошли к нашему дому. Таня открыла калитку, а я задержалась на секунду.

Наверное, он уже проводил ее. Или они еще вместе?

Я запретила себе думать об этом.

- Кать, идешь?

- Иду.

Мы вошли в дом. Таня зажгла свечу, засуетилась у печки. А я села на лавку, обхватила колени руками и уставилась в одну точку.

- Ты есть будешь? – спросила Таня.

- Не хочу.

- Ну, как хочешь. А я перекушу.

Она гремела посудой, а я смотрела на огонек свечи и думала.

У них, наверное, все серьезно. Может, любовь. Может, он к ней по-настоящему.

А я... кто я?

Чужая девчонка без прошлого, с глупой влюбленностью в человека, который даже не знает о моем существовании.

Таня закончила с едой, под села ко мне.

- Кать, ты чего грустишь? Рассказывай.

- Не грущу, - я покачала головой. – Просто задумалась.

- О чем?

- О жизни, - уклончиво ответила я.

Она вздохнула, обняла меня за плечи.

- Не думай много, Кать. Жизнь она простая. Живи, работай, люби, если сможешь. А думать – это только голову забивать.

Я улыбнулась ей.

- Ты права, Тань.

- Конечно, права. Давай спать. Завтра рано вставать.

Мы легли. Я смотрела в потолок, слушала, как за окном шумит лес, как где-то далеко ухнет война.

Он сейчас с ней. Провожает. Может, держит за руку. Может, целует.

Я зажмурилась, прогоняя эти мысли.

Не думать. Не думать. Работать, жить и все.

Глава 15

День в санчасти тянулся бесконечно. Раненые капризничали, у кого-то поднялась температура.

Впрочем, я даже была рада такой суматохе – меньше искушений думать о вчерашнем.

Я решила твердо: больше никаких глупостей. У него есть женщина. Красивая, достойная, своя. Нечего лезть, нечего надеяться, нечего ждать.

Работа. Только работа.

- Катя! – окликнули меня из дверей.

Я обернулась. На пороге стоял Саша - с перевязанной рукой, но улыбающийся во весь рот.

- Саша! Ты чего? Плохо?

- Хорошо! – он подошел ближе, сияя. – У меня сегодня день рождения! Двадцать пять лет, между прочим, юбилей!

Я улыбнулась невольно – его радость была заразной.

- Поздравляю!

- Спасибо! – он махнул здоровой рукой. – Я чего пришел – вечером приходите в гости. Ко мне во двор, стол накроем, музыка будет, гармонист местный обещал. Таню тоже зови. Придете?

Я замялась.

- Саш, мы с ночной смены...

- Да брось! – перебил он. – Вы сколько можете работать? Отдохнуть тоже надо. Приходите, прошу!

- Хорошо, - кивнула я. – Придем. Спасибо за приглашение.

- Вот и отлично! – обрадовался Саша. – Часов в шесть. Жду!

Он ушел, а я вернулась к работе.

Вечером мы с Таней собирались. Снова баня? Нет, не успеем. Просто умылись, переоделись в чистое. Таня надела ту же кофточку с кружевами, я – ситцевое платье.

- Подарок! – спохватилась Таня. – Надо же подарок!

Мы заметались по дому. Что подарить солдату? Еды у нас нет, курева тоже.

- Смотри, - Таня вытащила из сундука портсигар. Старый, латунный, с гравировкой. – Чей-то. Хозяева оставили. Может, отдадим? Саше пригодится.

Я взяла портсигар в руки. Тяжелый, теплый, с потертостями. Сколько он тут пролежал? Чья-то память, чья-то жизнь.

- Думаешь, можно? – спросила я.

- А что пропадать? – пожала плечами Таня. – Хозяева если вернутся, мы извинимся. А Саше сейчас нужнее.

Я кивнула. Завернули портсигар в чистую тряпицу и пошли.

Дом Саши стоял в центре села, недалеко от клуба. Еще издали мы слышали голоса, смех, гармонь. Во дворе горели фонари – керосиновые лампы на шестах, стол был накрыт прямо под открытым небом, длинный, сколоченный из досок. На нем – нехитрая снедь: картошка, соленые огурцы,

хлеб, кружки с мутной жидкостью – наверное, самогон.

Народу собралось много. Солдаты, медсестры, местные жители. Я сразу увидела Наташу – она сидела рядом с другой санитаркой – Машей, в той же гимнастерке, но с распущенными волосами. Красивая. Спокойная.

А рядом с ней...

Волошин.

Он сидел напротив, чуть поодаль, с кружкой в руке. Глаза его скользнули по нам, задержались на мне на секунду, и он отвернулся.

Я сглотнула.

- Катька, идем! – Таня тащила меня к столу.

Мы поздравили Сашу, вручили портсигар. Он обрадовался как ребенок, тут же закурил, хвастаясь друзьям.

- Садитесь, девчата, садитесь! – суетился он. – Вон там места!

Он указал на скамью. Я села и только тогда поняла, что

оказалась прямо напротив Волошина.

Через весь стол. Лицом к лицу.

Зеленые глаза смотрели на меня – спокойно, изучающе. Я отвела взгляд первая, уставилась на закуску.

Рядом со мной кто-то сел. Я повернулась – симпатичный лейтенант, лет тридцати, с карими глазами и открытой улыбкой.

- Добрый вечер, - сказал он. – А вы, кажется, из санчасти? Я вас там видел.

- Да, - кивнула я. – Санитарка.

- А я – Николай. Можно просто Коля. – Он протянул руку.

Я пожала. Рука у него была теплая, сухая.

- Катя, - ответила я и улыбнулась.

Коля оказался разговорчивым и веселым. Рассказывал про себя, про свой взвод, про то, как они стояли под Москвой. Шутил, смеялся, подливал мне чай – самогон я пить отказалась.

Я отвечала, улыбалась, поддерживала разговор. И старалась не смотреть через стол.

Но краем глаза все равно видела. Волошин сидел молча, слушал, что говорил его сосед, изредка кивал. Наташа смотрела на него, но он не отвечал взглядом.

Гармонист заиграл что-то веселое, народ зашумел, кто-то пустился в пляс. Коля рассказывал смешные истории из своей жизни, я смеялась.

- А вы, Катя, откуда будете? – спросил он.

- Не помню, - честно ответила я. – Память потеряла.

Он удивился, но вопросов задавать не стал. Вместо этого начал рассказывать про свою деревню под Рязанью, про мать, про сестер.

Я слушала и чувствовала, как напряжение понемногу отпускает. Хороший он, Коля. Простой, душевный. С ним легко.

И вдруг гармонь сменила ритм. Кто-то закрутил ручку патефона, и полилась медленная, тягучая мелодия. Вальс.

- Ой, танцы! – обрадовалась Таня. – Катька, пойдем!

Но ее уже кто-то пригласил – какой-то сержант, она упорхнула с ним в круг, который начал образовываться во дворе.

Коля повернулся ко мне:

- Катя, разрешите пригласить?

Я уже открыла рот, чтобы согласиться – и тут услышала за спиной:

- Разрешите?

Голос низкий, глуховатый. До мурашек знакомый.

Я обернулась.

Передо мной стоял Волошин. В гимнастерке, расстегнутой у ворота, с темными волосами, упавшими на лоб. Глаза его смотрели на меня пристально – зеленые, с крапинками, с свете фонарей они казались почти прозрачными.

Рука протянута.

Я замерла, забыв дышать.

Коля рядом кашлянул, понял все без слов.

- Я тогда потом, - сказал он и отошел.

А я смотрела на эту протянутую руку. На широкую ладонь, на длинные пальцы. На бинты, выглядывающие из-под засученных рукавов гимнастерки.

- Я... - голос сорвался.

Он ждал. Не говорил ничего, просто ждал.

Сердце колотилось где-то в горле, заглушая музыку, голоса, смех. Весь мир сузился до него – до этих зеленых глаз, до этой протянутой руки.

Я не могла отказать.

Я вложила свою руку в его. Ладонь у него была горячая, сухая, сильная.

- Да, - выдохнула я. – Пойдемте.

И он повел меня в круг.

Глава 16

Его рука легла мне на талию – твердо, уверенно, но бережно. Вторая сжала мою ладонь. Я положила свободную руку ему на плечо и вдруг поняла, что мы почти вплотную. Я чувствовала тепло, исходящее от него, запах – чистый, мужской, с легкой ноткой табака и лесной свежести.

Музыка полилась мягко, обволакивая.

Он повел.

Я не умела танцевать вальс. Совсем. Ноги заплетались, я споткнулась на первом же шаге.

- Расслабьтесь, - услышала я тихий голос прямо у уха.

От этого шепота по спине побежали мурашки. Я подняла глаза – и утонула в зелени.

- Я не умею, - вздохнула я.

- Просто доверьтесь мне.

Он прижал меня чуть крепче, и я почувствовала, как его ладонь на талии становится горячее. Сквозь тонкую ткань платья это тепло проникало внутрь, разливалось по телу, плавило напряжение.

Я перестала думать о ногах. Просто

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.